

И ДЕЛО
В ШЛЯПЕ

д м и т р и й
БАРАНОВ

издательство «геликон плюс»

Дмитрий Баранов

И дело в шляпе

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24504952

*Дмитрий Баранов «И дело в шляпе». Роман: «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-00098-084-2*

Аннотация

Что получится, если литературовед, изучающий массовую культуру, решит написать роман? Будет ли в нем романтический герой, которому захочется соперничать? Пожалуй. Злодей, которого хотелось бы победить? Не исключено. Монстры, любовь, приключения? Как же без этого!

Вот только монстры окажутся реализованными метафорами, персонажи постепенно осознают, что живут по законам художественного текста, а главным героем станет сам читатель, бьющийся над теми же вопросами, что и все остальные: Кто я? Как устроен мой мир? Где граница между реальностью и вымыслом? И по какую сторону этой границы нахожусь я сам?

Содержание

Введение	4
Глава первая,	19
Глава вторая,	47
Глава третья,	73
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дмитрий Баранов

И дело в шляпе

Введение

История, которую я расскажу, началась в одном маленьком городке на Диком Западе. Ну, просто представьте себе классический такой Дикий Запад – с палящим солнцем, ковбойскими шляпами, невозмутимыми шерифами, бандитскими рожами и хитрыми краснокожими. Все там шло как полагается. Чингачкуки, ясное дело, прятались в прериях, шерифы начищали свои звезды, бандитские рожи болтались на виселицах, а ковбойские шляпы занимались вообще черт знает чем. Солнце, зараза, допекало всех.

Именно от надоедливого светила прятался в тот день обладатель самой большой шляпы на всем Западе, вдумчиво спуская последний доллар в салуне «У Била». Давайте и мы остановимся в этом прекрасном заведении с несколько подгаженной репутацией, устроимся за барной стойкой неподалеку от толстого неряшливого трактирщика и попробуем осмотреться.

Уверен, нечто похожее вы много раз видели на экране телевизора. Очень маленького и пыльного телевизора, который словно ссохся под тяжестью времени, и оттого жад-

но ловил самый слабый сигнал, не обращая внимания на хрустящий привкус помех. Голые стены, стыдливо украшенные лишь маленькими точечными шрамами – молчаливыми отголосками давно отзвучавших выстрелов. Десяток дубовых круглых столов, за которыми когда-то собирались рыцари пива и джина местного разлива. Джин, кстати, выпрыгивал из бутылки частенько, так что выпивохи, будучи весьма невоздержанными в своих желаниях, за много лет оставили на когда-то гладкой поверхности столов затейливые узоры из алкогольных пятен, ножевых порезов и кровавых подтеков. Измученный бесчисленными тяжелыми сапогами, изрезанный шпорами измызганный пол – его мыли лишь спинами посетителей, падавших без чувств на поле грязной застольной брани. Тяжелая широкая стойка, которую также протирали в основном животами скользящих по ней неудачников, разбивающих головами всю посуду по пути к обманчивому свету мутного окна. Тот свет манил многих. И многих в конце концов уносили из трактира ногами вперед через небольшую двустворчатую дверь, привычно ходившую туда-сюда и жалобно певшую лишь тогда, когда она закрывалась за очередным гостем навечно. Как вы еще поймете из моей истории, помощь джина в исполнении заветных желаний до добра никогда не доводит. Салун, как и отчаянно жавшийся к нему городок, целеустремленно вымирал. Новых лиц здесь не видели уже лет десять. Но сегодня кое-что изменилось.

Утром низкая дверь удивленно скрипнула: вошедший,

хоть и был ковбоем, открыл ее не с ноги. Нежданный посетитель, вежливо кивнув удивленному хозяину и одинокому посетителю у окна, прошел к стойке, снял шляпу, выпил первую стопку, машинально поднесенную Биллом, а затем расположился за одним из столов, потребовав добавки. Вот он – до сих пор сидит здесь с самым задумчивым видом. И как вы уже догадались, именно этот ковбой – главный герой нашего повествования.

Рассмотрите его повнимательней.

Согласитесь, что он чем-то похож на Клинта Иствуда. И еще немного на его «злого» партнера из известного фильма.

Короткая сигара (и как только он умудряется пить?). Отнюдь не кроткий, волевой взгляд. Еще более волевой выдающийся подбородок. Еще более выдающиеся длинные черные усы. И, как можно догадаться, еще более длинный дорожный плащ, правда, коричневато-бежевого оттенка... каким славится половина вещей на Диком Западе, включая неухоженные соломенные волосы героя. Сапоги со шпорами лежат прямо на столе. На них лежат и сами усталые ноги в дырявых носках в горошек. Все равно «благоухание» трактира ничем уже не перебить.

Зовут ковбоя Джон Дабл-ю Смит.

Росту он знатного, вида потрепанного, душевного (да и финансового) здоровья – откровенно бедного. Причем здоровье это оскудевает с каждым глотком убойной бормотухи, которую с радостью предоставляет заинтригованный Билл –

хозяин салуна.

Дело в том, что все завсегда и тут делятся на две категории: те, кто яростно заливают ядовитым пойлом пожар неутолимых страстей, и те, кто в нем же топят печаль, вину и воспоминания. К первой категории относится, например, местный гробовщик – Томас Дэвис – заходящий к Биллу по вечерам. Ко второй – он же, заползающий поутру. Собственно, вон он сидит в углу: тощий, флегматичный, все время протирающий очки из боязни не увидеть что-нибудь важное. Например, не заметить что-нибудь, ради чего стоит жить. Впрочем, сейчас он лениво посматривает сквозь нас на стену салуна, словно узоры на досках могут сложиться во что-то живое, ха! А больше здесь никто и не показывается, разве что иногда какой беглый раб заскочит по дороге на север или пряткий мошенник забежит – по пути на юг. Джон Дабл-ю Смит определенно не из таких. Загадочная тоска в его взоре вообще не похожа ни на тоску зеленую в глазах честного работяги, ни на тоску-кручинушку в буркалах бесчестного разбойника, ни на, прости Господи, мрачную меланхолию за стеклами очков философа. Не говоря уж о разных там розовых соплях в очах романтика и профессиональном пофигизме во взгляде того же гробовщика.

А еще этот ковбой явно кого-то ждет.

И если мы повернем голову на хриплый крик «виски!», увидим, кого именно. Ну, или, по крайней мере, пойдем, кого он на свою голову дождался. Это в салун, чуть не снеся с

петель хрупкие створки, спиной вперед привычно вваливается новое лицо нашего рассказа: Подлый Гарри. Впрочем, запоминать это имя не обязательно: судя по слишком наглой роже, слишком болезненному кашлю и не слишком уверенной походке, он лишь временный постоялец на этом празднике жизни.

Подлый Гарри последнее время был самым злокозненным кровососом округи, таким анти-шерифом, высасывающим из людей кровные деньги, порой превращая их в кровавые. Его всегда легко узнать: косо посаженные плечи, круглое брюшко и квадратная морда в обрамлении легкой трехмесячной щетины, в которой резвятся пьяные от перегара хозяина блохи.

Подлый Гарри увидел Джона Дабл-ю Смита и, оставляя грязные следы на дощатом настиле, подошел к ковбою. Вот предсказуемо жалобно пискнул стул, немилосердно придавленный тушей безжалостного убийцы. Билли поставил на стол еще бутылку. Бандит тотчас же к ней присосался. Вылакав добрую половину, он добродушно хмыкнул, утер рот бородой и занюхнул пойло расположившимися рядом с рылом носками ковбоя. Несколько удивленный столь панибратским обращением, Джон Дабл-ю Смит вежливо покачал скрещенными пальцами ног.

Можно считать, что обряд знакомства завершился.

– Ты!

– Я? – уточнил ковбой.

Его собеседник явно не ожидал такой реплики и призадумался.

– Я – подлый Гарри! – попытался расставить все по местам бандюга.

– Ты? – переспросил приезжий.

– Я... – уже не так уверенно протянул бедняга.

– А я? – окончательно поставил разбойника в тупик Джон Дабл-ю Смит.

– Ты? – озадаченно почесал голову Подлый Гарри.

– Я, я! – продолжал настаивать ковбой.

– Томас, готовь гроб! – прокричал Билли. – Сейчас начнется.

И правда: Подлый Гарри вдруг со всей дури треснул по столу. Стол действительно треснул, протестуяще вякнув что-то предсмертное, однако Джону Дабл-ю Смиту хватило ума и выдержки остаться сидеть, не поведя ни ухом, ни даже пальцем, озорливо посматривающим на налетчика из самого большого «горошка» в носке. Бандюга шмыгнул носом и вперил в ковбоя тяжеленный взгляд:

– Знаешь, на что я смотрел, заходя сюда? Я тебе скажу, – поспешил сам ответить на свой вопрос налетчик, не дожидаясь начала нового интеллектуального диалога. – Я смотрел на черную лошадь. Знаешь, кому она принадлежит? Мне!

Бандит, уставший от непривычно длинной тирады, попытался перевести дыхание, но вовремя заметил, что ковбой уже открыл рот для очередного вопроса, и выпалил:

– Зачем ты ее украл? Непонятно. Ты загадочен. А я не люблю загадки!

Если бы сейчас нам было видно лицо Билли, копошащегося где-то за стойкой, мы бы заметили выражение крайней досады. Ну конечно, так всегда бывает. Ценные вещи постоянно крадут, красивых девушек – крадут или уводят, интересных клиентов – крадут, уводят или убивают. И все эти процессы всегда как-то связаны с выпивкой. Эх, ну что за профессия? Надо было в банду идти, говорил же батяня... Подлый Гарри тем временем сформулировал самую сложную мысль за вечер (будем честны, за всю жизнь).

– Твоей светлой голове... – отморозок, пламенея от гнева, ткнул пальцем в сторону шевелюры Джона, – хватило глупости украсть моего черного коня! Зачем – непонятно. Поэтому ты сразу стал для всего города темной лошадкой. У нас таких не любят. И место тебе – на скотобойне!

Бандит взмахнул рукой перед самым носом ковбоя, ударив снизу по широкой шляпе. Та улетела за спину Смита, который даже не шелохнулся.

Нутром, которого у меня нет, чую, или даже слышу щелчок затвора. Это значит, что нам надо поскорей убратсья подальше от барной стойки, потому что Билл уже достал свой верный винчестер, и не хотелось бы из-за одного неверного движения оказаться между ним и клиентами. Никто ведь не хочет, чтобы рассказчик устранился так быстро?

Всем же интересно узнать, что как только шляпа опусти-

лась на пол, Билли громогласно объявил:

– Джентльмены!

Потом на всякий случай уточнил:

– Ты, Подлый Гарри, и ты, Загадочный Ковбой. Проявите ко мне уважение. Не смейте начинать пальбу в моем салуне. В противном случае я с прискорбием размажу ваши мозги по столь дорогому для моей бездушной личности полу. И имейте совесть: не смейте устраивать перестрелку слишком далеко от моего заведения, иначе ко мне так и не потянутся посетители. В противном случае я найду вас, каждого, вне зависимости от исхода вашей дуэли, и проучу.

Подлый Гарри успокаивающе поднял руку.

– Да конечно, дядя Билл, что мы, изверги? Что скажешь? – обратился он к незнакомцу. Получив утвердительный кивок, добавил: – Хочешь еще что сказать?

Ковбой смерил взглядом стаканы и, причмокнув, предложил:

– Сначала допьем?

Дальнейшая беседа текла душевно, благо бормотуха лилась рекой. Мутноватой, зато полноводной. Казалось, два старых приятеля решили встретиться, побормотать песенки да пошуршать о том о сем. Шуршание же бумаги, доносившееся от стола гробовщика, сосредоточенно рисующего какой-то эскиз и все поглядывающего на собеседников, вписывалось в атмосферу праздничного стола так же органично, как кусочки конфетти в оливье.

– Надолго в городе?

– Да нет, разберусь с тобой да дальше поеду.

– А, ну ты погоди, сходи еще на кладбище, там старые памятники – от индейцев еще остались. Глядишь, эта, оккультуришься.

– Да иди ты! Посмотрю, посмотрю...

– Так а что ты вообще, эта, за мной, что ли, да?

– Да жена твоя заказала. Говорит, мол, руку и сердце обещал, а только крови из нее столько высосал, да к другой полетел, стервец. Вот, теперь сердце-то требует...

– У, стерлядь, кто бы говорил... Слушай. А это какая жена-то?

– Да вроде бывшая...

– Да не, которая?

– Да вроде третья...

– Вот тебе что, западло, что ли, сразу все сказать? Третья с конца или с начала?

– Джентльмены! – снова вклинился в беседу старый Билл. – Вам пора стреляться. Иначе солнце окончательно скроется, и нам с мистером Дэвисом будет плохо видно. Не думайте только о себе, позаботьтесь и о ваших зрителях. Счет, по давней традиции, на победителе. И без шуточек – не вздумайте потом сказать, что платит проигравший!

Хозяин салуна, подавая пример гостям, продефилировал на выход, изящно (как ему казалось) покачивая дробовиком, как самым модным аксессуаром сезона. За ним лениво про-

шаркал Томас Дэвис. Последними вышли посетители, которым многострадальная дверь салуна исполнила последнюю в своей жизни заупокойную песню.

* * *

Ах, ну что за атмосферная картина! Вечер, заходящее солнце, ласковый ветерок лениво гонит по дороге перекапти-поле – Бездомного Джимми, не задерживающегося по-долгу на одном месте. Сейчас он как раз стремится укатиться с линии огня, чтобы лучше видеть обоих дуэлянтов.

А вот возведенные в статус секундантов трактирщик и гробовщик, как всегда управляющие движением местной жизни, уже заняли лучшие места. Они разместились в тенишке от раскрашенного гнилью развалившегося домика, выглядящего так же мрачно-эклектично, как, скажем... Борис Карлофф. Работники совка и кружки выжидательно усталились на дуэлянтов, сидя на откатившихся от здания бревнах, словно грифы на костях.

Подлый Гарри и Джон Дабл-ю Смит задумчиво глядят друг на друга. Бандюган стоит у крыльца местной часовни – почти заброшенного, а потому аккуратного небольшого здания. Покосившийся козырек разохшегося крыльца, поддерживаемый четырьмя тонкими столбиками, слегка нависает над брезгливо щурящимся пузаном, прикрывая его от последних лучей назойливого светила.

Но нас сейчас интересует светило рангом поменьше. Цвет и гордость ковбойского племени (напомню: бежевый плащ, волевой взгляд) расположился как раз у дверей салуна. Наш герой невозмутимо пыхтит все той же сигарой, с интересом оглядывая окрестности.

Питейный дом и домик божий расположились метрах в двадцати друг от друга, так как в этом благочестивом городке как-то не принято искать окольных дорог вместо прямого жизненного пути, начинающегося обычно трактиром и заканчивающегося отпеванием.

Прогредел выстрел. Вдруг прогредел выстрел, если быть точным...

Это старый Билл пальнул в воздух, подавая сигнал к началу.

Первым, естественно, оказался ковбой. Шмальнул от бедра, крепко сжимая в черной перчатке блестящий кольт. Подлый Гарри закатил глаза и попытался с недоумением уставиться на свой лоб: там прямо посередине красовалась глубокая дырка, из которой вяло сочилась красная густая жидкость. Смачно плюнув на безнадежную затею (и грязную дорогу), Подлый Гарри прищурился еще недовольней, чем прежде. Следующий выстрел заставил его глаза все-таки полететь на все тот же лоб, а рот – приоткрыться. Зубы разбойника крепко сжимали вторую пулю, выпущенную Джоном Дабл-ю Смитом.

Ковбой был неместным и, видимо, не слышал о велико-

лепной реакции соперника. Тем не менее, он сделал еще три оглушительных выстрела, отказываясь верить в поражение. Бандит даже не шелохнулся.

Есть люди, которые к себе располагают. Есть те, кто отталкивает окружающих. Но в некоторых ситуациях почти к кому угодно вдруг начинают хорошо относиться.

Никогда раньше Джон Дабл-ю Смит не находился в такой теплой дружественной атмосфере. Бездомный Джими, сидящий по-турецки в какой-то высохшей луже, вскинул грязную руку в успокаивающем жесте, мол, ничего, все мы смертны, не расстраивайся... Томас Дэвис, потянувшийся было протереть очки, постарался максимально незаметно порвать один из двух набросанных за столом эскизов и ободряюще улыбнулся ковбою, украдкой проверяя последние замеры. Тот ответил вежливой, хотя и мрачноватой гримасой. Билли пробормотал что-то хорошее, скорее всего, поминальное, и, не чокаясь, выпил.

Даже Подлый Гарри как-то виновато пожал плечами, распахнул «нюхнувшую пороху» и когда-то несколько раз продырявленную черную куртку, и, немножко смущаясь, вытащил старый пистоль.

Джон Дабл-ю Смит глубоко вдохнул. И вдруг во все легкие заорал: «Кукареку!». Его соперник явно вздрогнул, в замешательстве уставившись на ковбоя. Тот вдруг сорвался с места и побежал прямо на Подлого Гарри, корча страшные рожи, хлопая себя локтями по бокам и дико крича. Револь-

вер бандита заметно дрожал от удивления. Пробежав пару шагов, этот ненормальный ковбой снял свой видный головной убор и запустил им в разбойника. Тот машинально выстрелил. В самую большую шляпу Запада грех было не попасть, и набожный кровопийца не ударил в грязь лицом. Он ударил в грязь затылком, потому что, испугавшись прискакавшего почти вплотную ковбоя, сделал пару шагов назад, споткнулся и упал на замызганное крыльцо.

И тут шестизарядник Джона Дабл-ю Смита прогремел в последний раз. Пуля угодила в четвертую подпорку крыльца. Три других были как раз подпорчены предыдущими выстрелами ковбоя.

Навесная крыша рухнула, погребая под собой Подлого Гарри.

Джон Дабл-ю Смит огляделся. Шляпу, как всегда угодившую в единственную на этой богом забытой улице лужу, решил не подбирать. Мельком глянув на свое отражение, подумал, что надо уж либо парик снять, либо бороду снова перекрасить. Потом, впрочем, решил, что лучше сменит цвет волос и отклеит даже усы.

Зрители дуэли оторопело вытаращились на победителя. Осознав произошедшее, Томас Дэвис невидяще – даром что в протертых очках – уставился в свой эскиз, а Билли распахнул рот и даже выпустил из задрожавших рук бутылку, чем, кстати, и воспользовался привычный ко всему и лишь философски причмокнувший Бездомный Джимми. Ковбой

же неторопливо достал из-за пазухи небольшой кейс, в котором хранились весьма неприятные инструменты для нелегкой работы. Работы, что страшнее профессии дантиста, веселее доли патологоанатома, прибыльнее службы шерифа или удела разбойника, хотя и совмещающей в себе черты всего упомянутого.

Если бы Подлый Гарри сразу догадался, чем занимается таинственный незнакомец, он потерял бы голову от страха, а так пришлось лишиться ее от длинного серебряного клинка. Зато Джон Дабл-ю Смит возымел сомнительное счастье стать обладателем двух длиннющих клыков (для статистики), одного давно не бьющегося сердца (для вас, миссис третья бывшая жена, то ли с начала, то ли с конца) и очередного выполненного контракта.

Если бы мы могли, мы бы заглянули в карман плаща нашего героя и обнаружили там потрепанное объявление, начинающегося с загадочных букв «WANTED». Под этой надписью мы увидели бы схематичный рисунок и довольно длинный текст: Подлый Гарри. Вампир-кровосос. Список преступлений...».

Как я уже говорил, история, которую я расскажу, началась в самом обычном городке на самом привычном для вас Диком Западе. Живут там самые нормальные люди, у которых, правда, как, наверняка, и у вас, есть свои маленькие слабости и секреты. Кто кровушки любит попить у соседей, когда душа мертвая просит, кто на стену лезет в полнолуние, ко-

гда блохи в шерсти покоя не дают, кто на кладбище сидит допоздна, потому что от солнца палящего только под плитой прохладной и спрячешься...

Ну а наш герой, который по праву носил самую большую шляпу на Западе, был самым лихим на всем белом свете охотником за головами. А также шкурами, сердцами, клыками, носами, рогами и языками, которыми богата местная фауна (а порой и особо агрессивная флора). Звали его, естественно, не Джон, и уж конечно не Смит, ну а что значило загадочное Дабл-ю, вообще непонятно.

Но, как бы то ни было, наш ковбой уже подарил так и застывшему с приоткрытым ртом трактирщику лошадь Подлого Гарри, оседлал свою боевую корову и направился в закат – догонять уходящее солнце.

Мы же, глядя на его широкую спину, можем лишь констатировать: «Началось!». Древнейший инструмент истории – первый камешек – запущен, и лавину последующих событий не остановить уже никому, даже нам, мой дорогой слушатель...

Глава первая, в которой много работают головой, дважды ее теряют, разок находят. В шляпе

Угадайте загадку. Соломенная голова, железное сердце, робкие шаги по дороге из желтой грязи. Ну конечно, Джон Дабл-ю Смит! Бессердечный герой, оставивший валяться в луже верную шляпу, спасшую его от верной смерти, наверняка мучился теперь от палящего солнца – и поделом.

Впрочем, основная жара уже спадала, да и с утра, по счастью, земля порадовалась редкому в этих краях дождю, так что даже расплылась от удовольствия. Днем ранее ковбой отъехал от салуна «У Била», и теперь неторопливо двигался по почти заброшенному тракту, не нанесенному ни на одну карту, да и на самой поверхности прерии уже почти не различимому. Совсем исчезнуть, утонув под хищными волнами атакующей с обеих сторон травы, этой скользкой от слякоти дорожке мешали лишь изредка пользовавшиеся ей воры и разбойники, желавшие добраться до наиболее укромных мест страны. В редких бастионах кустов, возвышавшихся от силы на полметра, не спряталась бы ни одна живая душа, да и в почти разошедшихся облаках вряд ли притаилась бы ка-

кая крылатая напасть, так что одинокий всадник чувствовал себя почти в безопасности.

Пожалуй, стоит, наконец, сказать еще несколько слов о нашем герое и его нелегкой жизни. Смит был неповторим, как тысяча романтических ковбоев. Обладал четкими, хотя и гибкими моральными принципами. Пил мало, жил тихо. Порой будил лихо, тогда стрелял метко, потом пил много, отдыхал громко. На вид Джону можно было дать тридцать с небольшим лет в обед, лет тридцать с гаком к ужину и без малого лет пятьдесят за завтраком – особенно после активного отдыха.

За убийства платили ему прилично, так что на жизнь зарабатывал он до безобразия хорошо. Как и все ковбои, Джон немного шарил в банковской системе, точнее, обшарил в свое время пару банковских хранилищ, и потому знал, что доверять им нельзя. Складировал все сбережения в одном отдаленном месте. И посему вид он обычно имел весьма потрепанный, заботясь лишь об оружии и снаряжении.

Трепаться попусту ковбой не любил. Да и не с кем было. Часто думал о девушке, которая его ждет, но постоянно напоминал себе, что прежде, чем к ней отправиться, нужно еще хорошенько поработать. В дороге друг у него был один – Шальная Бэтти. Сейчас Джон наверняка скармливал ей уже ненужный соломенный парик – волосок за волоском. Белая боевая корова, несомненно, довольно цокала языком и причмокивала копытами по слякоти.

Различить в местной грязи другие звуки было невозможно. Почти...

Джон вдруг развернул верную соратницу и достал кольт. Каждый слышал, что на таких глухих дорогах можно нарваться на разнообразнейших тварей. Ковбой же знал это наверняка, и потому был готов ко всему. Опять же, почти ко всему...

Приблизившийся монстр произвел на всадника чудовищный эффект. Первой не выдержала Бэтти. Задние ноги коровы подкосились, глаза расширились. Храбрый ковбой зарылся лицом в холку верной подруги. Спина его содрогалась от всхлипов.

Напротив ковбоя застыло нечто. Оно крепко утопало в земле четырьмя ковбойскими сапогами. Зорко оглядывало окрестности двумя головами в стильных ковбойских шляпах. Грозно возвещало о своем приближении угрожающим колокольным звоном и в то же время пыталось слиться с местностью благодаря яркой защитной окраске. Наконец, оно возвестило звонким юношеским голосом:

– Мистер, Вы забыли свою шляпу!

Джон с трудом поднял голову и с новой силой разразился гомерическим хохотом, не в силах смотреть на это чудо. Худошавый индейский паренек, гордо восседающий на хлипком кучерявом баране, придавленном пафосом происходящего и тяжестью ноши, терпеливо ждал, когда ковбой отсмеется. На лице мальчугана застыла запрограммированная до-

вольная улыбка. Ну, все же знают, как застывают индейские лица, умеющие отображать только шестнадцать лет (зоркий разведчик), тридцать (храбрый вождь) и восемьдесят (мудрый шаман). Настоящий же возраст храбрых детей прерий можно определить лишь по количеству и длине перьев на затылке. У этого пацаненка они едва прорастали сквозь грязную шевелюру.

Наконец, Джон слез с коровы и выдавил:

– Парень, ты кто?

– Я – Демонтин Летящая Походка, – ответил индеенок, плюхаясь в дорожную грязь к ногам ковбоя – к молчаливому удивлению Джона, невысказанному ехидству Бэтти и несказанному облегчению барана.

Юнец был одет в мешковатую униформу, впрочем, чего уж там, скорее всего она и была раскрашенным мешком, в котором продрали отверстия для рук и ног. Баран же был реально страшен. Точнее, нереально грязен. Еще точнее, судя по многострадальной морде, да и по всему телу, на бедолагу просто напал сумасшедший авангардист, который вывалял кучерявого в луже синей краски. Надо ли говорить, что мешок, который напялил Демонтин, побывал в той же луже...

– Я почтовый служащий. Точнее, стажер. Волонтер.

– Так, а это что?

– Это? – паренек оглянулся. – Это просто баран. Он на меня работает. Точнее, я на нем. Ну, вы поняли...

Джон удивленно хмыкнул:

– Никогда раньше не слышал о почтовых баранах. Но что с ним? Это боевая раскраска твоего племени?

– Ну... – Демонтин задумчиво почесал за ухом. Баран аж прибалдел от такого неожиданного проявления ласки и настороженно ухо отдернул. Вообще видно было, что парнокопытное изрядно напугано всем происходящим, что и понятно: не все рождаются храбрыми львами. – Любая дорога опасна, и я подумал, что если нанести на барана цвета почтового отделения, то никакие бандиты не станут на нас нападать: всем ведь нужны письма...

– Боюсь тебя огорчить, но степные волки редко умеют читать. В основном пишут: романтически, кровью клиентов по земле, и все больше всякую нецензурщину. А еще прекрасно слышат, а ты зачем-то нацепил на своего «скакуна» колокольчик...

– Я думал, так можно отпугнуть приведений.

– А вот у них как раз ушей нет.

– Ну ладно, сдаюсь, просто когда я его украл, колокольчик уже был, и я постеснялся снимать...

– Ишь какой робкий... Стоп, так он краденый? – уже обессиливший от хохота ковбой осторожно улыбнулся, морально готовясь к очередному приступу. – Много я в жизни повидал. Лихие угоны поездов, отчаянные налеты на торговые караваны, кровавые ограбления банков. Но дерзкое похищение барана – о таком слышу впервые. Зачем?

– Чтобы догнать вас, – виновато пожал плечами парни-

ша. – У меня срочное дело, а никакого скакуна мне взять не разрешили, мол, свободных нет. А я давно мечтал о хорошем баране или об овце. Прямо спал и видел такого. Они, правда, живут мало. Вот если бы баран волшебный был... э лек три чес кий... Эх, ладно. На самом деле я сначала хотел угнать корову, а лучше стадо, голов пятьдесят. Ну или хотя бы лошадь. Но за ними приглядывали, а за этим – нет.

– Неудивительно, – посмотрел Джон на медленно поми-рающего на ходу барана. Затем понял, что все еще чего-то не догоняет. – Зачем ты его обул?!

– Мистер, ну что за выражения? Обул я того фермера, ко-торый решил на Диком Западе завести барана, и даже не при-вязал его. А своего скакуна я замаскировал. Чтобы меня не вычислили по следам. Что с вами, мистер, вам плохо?

От пробивавшего его смеха ковбой начал медленно осе-дать рядом с уже прилегшей на всякий случай Бэтти. Однако затем взял себя в руки, схватился за рога коровы и заставил себя подняться.

– Ладно, умник, последний вопрос, просто чтоб посме-яться. Шляпу ты на него нацепил с той же целью? Замаски-роваться в толпе? Или продвигал новую маркетинговую по-литику: почта с человеческой мордой?

– Что? – не понял ни слова заинтересовавшийся Демон-тин. – Не, это ваша.

– Что? – не понял уже Джон.

– Шляпа ваша. Подобрал в луже. Мне ее просто деть неку-

да было. Вот, – парень, нимало не смущаясь, снял самую большую шляпу Запада с вихрастой головы барана и возложил ее на затвердевшие патлы Джона, прикрыв не до конца дожеванный парик. Безмолвная кудрявая скотина лихо встряхнула головой, а онемевший от такой наглости ковбой по-бараньи уставился на мальчугана.

Тяжелый взгляд сурового ковбоя подействовал на Демонтина, как на слона дробина – чем-то развеселил.

– Ах, мистер, вы сейчас так похожи на моего барана! Он так же загадочно посмотрел на меня, когда я придал ему подобающий ковбою вид. Но довольно слов! Я принес Вам письмо! – важно объявило непоседливое дитя прерий, раскрывая перекинутую через плечо холщевую сумку.

Джон поморщился.

– Ты ошибся, парень. Ты ведь даже не знаешь, кто я.

Ступай-ка отсюда!

– Это и не важно! Все равно это письмо специально для Вас!

– Ты говоришь загадками, и я не собираюсь их разгадывать.

– Да нет же! Вы – убийца подлого Гарри!

– Это мог сделать кто угодно!

– А сделали Вы! И я должен отдать Вам записку. Это вопрос жизни и смерти!

– Правда? Такие вопросы я люблю.

Нет, последнюю фразу произнес вовсе не ковбой. И даже

не Шальная Бэтти, хотя пару раз за бредовый диалог она и порывалось вставить свое веское «Му!» и настучать копытом засранцу по ушам. Баран все еще не отошел от случившегося. Значит, остается одно: новый участник диалога. Вон он вышел на свет в паре шагов от спорщиков. Или не он, а они. В общем, судите сами: снизу четыре копыта – наверху одна голова. Снизу мускулистые ноги, бурая шерсть – наверху все та же лысая голова. Массивное туловище украшает мохнатый хвост, чем-то похожий на конский, а вот наверху... ну, вы поняли, на голове конские хвосты обычно не растут. Так можно продолжать долго, но уже понятно, что верхняя половина существа сильно проигрывала нижней в объеме и разнообразии, хотя и была явно главней. Так всегда: низы значительней, зато верхи – значимей...

– Ну вот, накликали. Сфинкс... – протянул ковбой.

К собеседникам неторопливо приближалось массивное существо двух метров в холке весом в пару тонн, оставляя просторную просеку в пугливо подминающейся под исполинской растительности. Непонятно, как он мог подобраться так близко. Еще страннее то, что метров через десять оставляемый им след обрывался, словно сфинкс возник из ниоткуда. И что самое паршивое, Джон Дабл-ю Смит прекрасно знал, что, несмотря на кажущуюся неторопливость гиганта, от сфинкса уже не убежать...

Классическая легенда Дикого Запада. Голова мужчины, тело бизона. Вот не повезло человеку! Или быку?... Сфинкс-

сов притягивают споры, загадки. Именно поэтому по некоторым дорогам лучше ездить одному...

– Трепещите, смертные, вы заплатите за свое кощунство!

Сфинкс был суров, брутален, и, если бы не глупая фраза, голова его наводила бы на ассоциации с голливудским героем боевиков Джейсоном Стэйтемом. Тварь медленно приближалась. Джон машинально прикидывал, какого размера останется лепешка, когда эти несколько тонн разбегутся и вомнут его в желтую грязь. Досчитал. Мрачно сплюнул. Достал кольт. Ну да, пулю в висок ведь менее болезненно?

Глядите, а мальчишка-то ничего, держится. Точнее, горящим взором смотрит на чудо, само целенаправленно идущее в руки.

– Ой, дяденька ковбой, смотрите, какая зверюшка?

Можно я его себе возьму, вместо барана?

– Ме?! – заинтересованно поднял голову рогатый, с надеждой глядя на потенциального преемника. Сфинкс неуверенно притормозил, с сомнением посмотрев на странную компанию. Надо признать, неуверенность придала ему что-то узнаваемое, человеческое, в общем, чудо-юдо начало слегка напоминать Виктора Сухорукова.

– Я говорю, бойся меня, мальчишка!

– Вот только рот надо будет чем-нибудь занять, а то говорит много, мочи нет, клиентов распугает. Хотя... – в голосе юного представителя старого индейского племени вдруг слышался звон задетой торговой жилки, – если должным об-

разом это подать... Подумайте только, голосовая почта, это же сколько возможностей...

Сфинкс замер. Потом радостно покачал головой:

– Я понял, индеенок просто потерял разум от страха!

Ах-ха-ха-ха!..

Под скептическим взглядом ковбоя громогласное «ах-ха-ха-ха» как-то незаметно трансформировалось в чуть более скромное «хо-хо-хо». Заметив отчетливую иронию в лукавых глазах Шальной Бэтти, сфинкс заметно покраснел и выдал что-то вроде смущенного «хи-хи». Молчаливая мольба и надежда в очах барана превратила возглас существа в скромное «хе», а снова посмотрев на приценивающегося Демонтина, сфинкс умолк вовсе.

Когда паренек деловито принялся развязывать ботинки на ногах барана, поглядывая на копыта бизона, лысая голова Гоши Куценко то ли взмолилась, то ли возмутилась:

– Да хватит уже, есть в вас хоть что-то человеческое?!

* * *

– Нет, нет, и не просите. Правила есть правила. Господа! И дамы! – спохватился сфинкс, учтиво повернувшись к боевой корове. Встретив надменный взгляд Бэтти, но немало не смутившись, человек-бизон фривольно подмигнул. Та оскорбленно вздернула голову. Баран с мрачным и решительным видом прикрыл ее плечом, угрожающе наклонив го-

лову. Сфинкс как ни в чем не бывало продолжил: – Я обязан задать вам загадку. И если вы не отгадаете, вас постигнет страшная кара.

Демонтин хотел было возмутиться, но не смог. Чисто физически. Парень сразу же понял, что во рту у него рука ковбоя. Нет, индеенок понял это даже не потому, что ковбойские руки обладают узнаваемым специфическим вкусом или запахом (кровь, табак, вино, порох, пот, приключения), просто вариантов тут было немного. Раздумывая, означает ли этот панибратский жест новую ступень дружбы, Демонтин ненадолго затих, чем и воспользовался Джон Смит.

– Я слышал, что загадка у тебя всегда одна. А еще – что ты знаешь все. И мне очень хочется проверить, правдив ли мой ответ на твой вопрос.

Ну согласитесь, что начал ковбой с чего-то непонятного и заумного. Однако сфинкс, внимательно посмотрев на сжатые губы и как будто жаждущие чего-то глаза героя, задумчиво покачал головой.

– Как необычно. Ну что ж, будь по-твоему. Итак. Что ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, вечером – на трех, а ночью – не ходит вовсе?

– Для того чтобы следующим утром снова встать на ноги, ведь так? – напряженно спросил Джон. Сфинкс молчал. Смит снова открыл рот...

И вдруг почувствовал, что хочет вскрикнуть, но не может – это Демонтин, так и не определившись с выбором ответно-

го знака дружбы, больно прикусил палец ковбоя, решив заодно дать ему по губам своей рукой. Воспользовавшись замешательством Джона, индейнок выкрикнул:

– Я знаю! Это жители Далсвиля!

Ковбой в шоке уставился на мальчугана, Бэтти издала озадаченное «му», и даже Сфинкс, надевший было маску пафоса и бесстрастности, и удивленно спросил:

– Почему?

– Ну как, это же элементарно! – засмеялся довольный собой паренек. – Утром они ползают на четвереньках, потому что встать после вчерашнего у них еще не получается. Днем они сидят в салуне «У Бил», а там, я знаю, смешные двуногие табуреты. К вечеру все табуреты уже разбиты, и оставшиеся посетители стоят, опираясь на барную стойку. Ну а ночью они падают в мертвецкий сон, чтобы завтра быть в силах снова выползти к трактиру...

– Это не так! – покачал головой сфинкс.

– Да ты просто не знаешь этих далсвилльцев!

– Довольно! – закричала лысая голова.

– Подожди! – взмолился Джон. – Дай нам еще шанс.

– Нет! Теперь вас постигнет суровая кара! Ха-ха-ха!

– Упс! – виновато выдавил Демонтин, закрывая глаза. Ковбой настороженно огляделся. Бэтти приняла боевую стойку – она, впрочем, ничем не отличалась от обычной. Баран... впрочем, уж его-то некогда описывать!

Прошло минут пять. Ну, правда, вот если без шуток, что

может сделать с храбрым воином этот несчастный сфинкс? Забодать до смерти? Разогнаться уже не успеет, а лысые головы – не самый лучший таран, что бы об этом не думали какие-нибудь любители трактирных драк. Затоптать? Пара метких выстрелов в глаза и не такой паровоз остановят. Забросать загадками насмерть? Заставить сгореть со стыда, оттого что не могут угадать ответ? Тоже мне, нашел интеллигентов-перфекционистов...

В общем, сфинкс как-то быстро выдохся. Его смех сошел на нет сам собой. Демонтину надоело зажмуриваться уже через минуту. Через две и Джон устал настороженно оглядываться, достал кольт, снова всмотрелся в темноту, все еще ничего там не нашел, на всякий случай пристально посмотрел на человека-бизона, убрал кольт, снова достал, потому подумал и начал делать зарядку. Бэтти подняла глаза к небу, молчаливо вопрошая: и за что мне все это? Баран...

– Вот он! Я слышу! Наконец-то я поживлюсь свежей головой! – обрадованно облизнулся сфинкс. Потом сконфуженно добавил: – Простите, пожалуйста, за задержку, просто мой брат никогда не может прийти вовремя.

– Ах вот кого мы ждали, старшего братца... – пробурчал Смит, а затем ехидно посмотрел на жалкого гибрида.

Демонтин же уставился куда-то за плечо ковбоя, натянуто улыбнулся и вдруг пулей рванул к сфинксу и спрятался у того за спиной. Джон, успев лишь проклянуть весь этот неудачный день, стремительно развернулся.

Любопытнейший парадокс. Сравнить по отдельности любую часть тела уже знакомого человека-бизона и новоприбывшего, в жизни не подумаешь, что они чем-то похожи. А вот когда они стоят рядом, сразу почему-то понимаешь – братья. Это как с Подлым Гарри и Грязным Ларри... Существо, стоящее перед ковбоем, обладало телом накачанного римского гладиатора и головой свирепого бизона. И оно явно очень злилось...

– Какие-нибудь предложения? – громко спросил Джон у соратников.

Бэтти оценила ситуацию и отошла подальше, оставляя хозяину пространство для маневра. Но боевой корове явно стало стыдно. Подумав, она подбадривающе помычала. Затем, решив, что ее долг выполнен, с облегчением приготовилась смотреть представление.

Откуда-то сзади послышался звонкий голос Демонтина:

– Я слышал, минотавра можно убить волшебным мечом!

– Правда? – наигранно обрадовался Джон. – У тебя, конечно же, есть такой с собой?

– Мм... Я слышал, что и волшебный кольт помогает... – нимало не смутившись, продолжил заливать индейнок.

«Да ладно, почему бы и нет?» – подумал ковбой, всаживая несколько пуль в противную харю. Эффект налицо.

Или на лице, точнее, на той же харе: морда чудовища украсилась кровью и первобытной ненавистью.

– Видимо, ваш кольт недостаточно волшебный! – возму-

тился Демонтин.

– Неужели?! – несколько истерично прокричал Смит. Минотавр тем временем подошел почти вплотную. Засунув за пояс бесполезный кольт, Джон обреченно вздохнул и прошептал: «Ладно, бык, иди сюда, не получилось с волшебной пулей, так сейчас отведаешь геройского кулака, а то и получишь чудесного пенделя».

Если бы минотавр знал, что Джон Дабл-ю Смит, будучи одним из элитных охотников на нелюдей, в совершенстве владел всеми видами боевых искусств, он, несомненно, убежал бы прочь. Но, к несчастью для ковбоя, эта информация просто не могла поместиться в бычью голову...

Уух... Пролетая мимо Демонтина и сфинкса, Джон еще успел удивиться: о чем же это они так ожесточенно спорят?

– Я говорю, только живая, еще кровоточащая! Хватит!

Я не буду больше метать бисер перед ковбоями!

– Ишь губу раскатал, копыта раскидал, метатель... Кентавр ты недоделанный!

– Тебе что, жизнь не дорога?

– Захлопни варежку, хапуга, подавишься!

– Молокосос!

– Это мне бизон говорит?!

Кажется, индийский паренек был просто не запрограммирован на страх...

О-ох. Очередной бросок, и снова Джон у бычьих ног. Хорошо, что управляемым бизоньим мозгом человеческим ногам

нужно было время, чтобы дойти до отброшенного вдаль ковбоя. В который раз. Смит чувствовал себя игрушкой для кота. Всего его умения хватало лишь на то, чтобы выскользывать из смертельной хватки минотавра да уворачиваться от прямых ударов. Но любой слепой взмах мускулистой руки отправлял Джона в долгий полет. Ничего, еще чуть-чуть так потренироваться, и можно будет устраиваться в цирк подражателем птиц. Правда, если этот бычара в ближайшее время не утихомирится, можно будет поработать и имитатором корма для червей. Причем искуснейшим. Ковбой застонал.

– Нельзя ли потише? – недовольно взмахнул руками Демонтин. – У нас с мистером Сфинксом тут деловой разговор. Дайте нам еще немного времени!

– Немного времени? Ха, да легко! Я только в раж вошел! – бравурно воскликнул ковбой, зайцем наворачивая круги вокруг разъяренного человека-быка. Видимо, чтобы сильнее запутать противника, Джон бегал, как гепард, извивался, как змея, прыгал, как кенгуру, и орал боевые кличи как резаный, а однажды даже чуть не зарылся головой в землю, как страус, правда, это произошло уже с подачи минотавра.

Все. Подниматься уже нет сил. Скоро все кончится. Руки-ноги отваливаются, сердце стучит, голова звенит. Перед глазами уже замаячили крученые рога... Стоп. Крученые?

Звон в голове усилился, обогатился угрожающим мекеканьем. Баран выглядел так страшно... нелепо, так что даже минотавр притормозил. Да-да! Почтовый барашек Демонти-

на, как голубь из рукава фокусника, стремительно рванулся вперед откуда-то из-за спины Джона. Глаза сверкают, рога блестят, боевая раскраска растекается от пота, а Шальная Бэтти провожает восхищенным взглядом. В зубах у толсто-рога болтался вещмешок индеек. Необычное зрелище заставило ковбоя привстать от надежды, а минотавра – присесть от ошаления. Храбрый скакун, резво проскользнув мимо мускулистого крепыша, подбежал к спорщикам и с разгону так втемяшился в голову сфинкса, что искры, посыпавшиеся у того из глаз, стали видны невооруженным глазом. Ноги массивного парнокопытного тяжело подкосились. Баран презрительно разжал зубы. Его ноша чувствительно ударила сфинкса по носу, тем самым, естественно, приведя в чувство. Лысая голова повернулась к Демонтину и хрипло прокричала:

– Согласен! Хватит, я согласен!

* * *

Какой дивный вечер! Рассыпавшиеся из порванного небесного карманы звезды словно говорят о любви, кузнечики, рассыпавшиеся по полю, будто поют о надежде, ящерицы, желающие перекусить стрекочущей закуской, недвусмысленно намекают на то, что чхать они хотели на все эти возвышенности и веру в мировую гармонию. И именно с ними был солидарен Джон Дабл-ю Смит, раздраженно и без-

успешно пытающийся отряхнуть одежду от грязи, пота и навсегда прилипших к шляпе воспоминаний о позорной драке.

Минут пять назад минотавр сел на сфинкса и, бережно поддерживая братца за уши и правя ими как штурвалом, уплыл, а точнее, уковылял в тишину и безвестность. Наверное, они решили больше никогда не связываться с этими непредсказуемыми ковбоями, безостановочно трещащими индейцами и дрессированными баранами, и подумали переехать куда-нибудь в теплые края, может, в Грецию...

Бараний герой о чем-то мило ворковал с боевой, но такой ранимой и падкой на подвиги коровой, а вечно веселый, зараза, Демонтин громко рассуждал:

– Мистер, согласитесь, что при ближайшем рассмотрении этот бизон оказался неплохим человеком. Хотя, собака, упрямым как осел и жадным как акула...

Джон тяжело вздохнул и запрокинул голову. «Ну за что мне такое наказание?» – вопрошал его взгляд у звезд, которые выстраивались на небе в дивные узоры. «Сам дурак» – как всегда ехидно сложились звезды в кукиш.

Смит вздохнул и посмотрел на индеек. Тот ответил невинным, и вместе с тем неуловимо озорным взором.

– Ну хорошо, юный сын прерий, объясни мне, что произошло?

– А вы что, не видели? – искренне изумился пацаненок-чертененок.

– Ну почему же не видел? Ах, может быть я как раз сосре-

дотоечно занимался самокопанием: пытался выкопаться из земли, куда меня зарыл этот буйнопомешанный со смещенным самовосприятием вследствие когнитивного диссонанса на почве кривого скрещения агрессивного быка с полным бизоном!

– Вау! – отпала челюсть паренька. Осознав, что продолжения не будет, юный индеец быстренько ее подобрал и продолжил по делу:

– Ну, вы слышали, наш неожиданный знакомый потребовал голову в уплату за неправильный ответ. Хотя клянусь, мистер, это нечестно, он просто не видел далсвилльцев своими глазами...

– Дальше! – оборвал ковбой Демонтина, думая о том, что на самом деле надо бы оборвать ему уши.

– Ну, у нас ведь было все необходимое, даже с избытком. Оставалось только убедить мистера сфинкса принять у нас давно мертвую голову. Что я и сделал, пока вы отдыхали, играя с минотавром и принимая грязевые ванны. Точнее, я идею предложил, можно сказать, аккуратно заложил ее в голову сфинкса, а дорогой Баран ее туда вбил. После чего наш гость удалился. Интересно... Может быть, ковыляя вдаль, он понял, что эта голова была ему не так уж и нужна? На самом же деле вполне хватало и своей? А, неважно. Кстати, а добротное большое сердце я оставил специально для Вас! Уверен, Вам его не хватает... Мертвое тоже, конечно, но хоть такое...

Только неудовлетворенное любопытство заставило Джона сдержаться и не наброситься на малолетнего приколиста, невозмутимо ковырявшегося в ухе выданным из головы пером и несущего уже полную ахинею.

Скорчившись, как от зубной боли, ковбой с неподдельными страданиями в голосе промычал:

– Господи, да что еще за мертвое сердце?

– Ну, уж тут, конечно, должен признать, и вы немножко постарались, – снисходительно покивал головой индеенок. – Сердце Подлого Гарри. Я же служу на почте, помните? Решил сам доставить вашу посылку, найти эту третью жену, то ли с конца, то ли с начала. Вы вообще были в своем уме, когда писали такой адрес? Бедная женщина так эту бандероль ни в жизнь не получит, так что вы, считай, пожертвовали за чем-то своим гонораром, отказались от него. А башку Гарри вообще бросили на месте дуэли. В общем, я взял мешок, кинул туда сердце и голову, надев на нее вашу шляпу, угнал Барана, отдал шляпу ему и отправился за вами.

– Погоди-ка, – ковбой снова поднял глаза вверх, но смотрел уже отнюдь не на звезды. – Ты хочешь сказать, что этот... головной убор... насквозь пропитан... мм... соседством с плотью и сердцем Подлого Гарри? До меня она была надета на этот чертов кусок упыриного мяса?!

Кстати, знаете, кто сейчас позеленел? А вот и не угадали – Баран...

– Ну... да, а что вы так ревнуете? – озадаченно пожал пле-

чами Демонтин. – Кстати, зачем так обзывать? Тем более про покойника, упырем... Вампир, он был всего лишь вампир...

В руке Джона появился кольт. Раздался выстрел. Потом еще, и еще, еще... – пока не кончилась обойма. Не волнуйтесь, индеенок не пострадал. Жертвами ковбойского произвола стали: одна ящерица (две пули: одна в хвост, одна в голову), три кузнечика (одна пуля) да полуразвалившийся старый гуль – живой мертвец, выкопавшийся метрах в десяти от дороги (одиночное попадание в гнилой мозг). Гуль, недовольно погугукивая, словно бы обращаясь к неведомым голубям, уполз обратно. Еще две пули предназначались ближайшим нахальным звездам, может, хоть одна и долетела...

Вместе с обоймой немножко разрядилась и обстановка. Демонтин снова улыбнулся, издав восхищенное «ух ты!», и Джон Смит даже скорчил ответную кривую гримасу. Затем устало спросил:

– Ладно, но почему именно ты решил отвезти неизрасходованные остатки подлого Гарри? Почему их не отправили на поезде?

– Хотел сделать вам приятное!

– Вот как? – поленился даже изобразить удивление ковбой.

– Да. Вы, наверно, плохо представляете, что такое отечественная почта и как долго послания идут до адресата. Вы слышали когда-нибудь о таком страшном звере как бюрокра-

тия? Жаль, что Вы никогда на него не охотились. Поговаривают, что он тайно захватил власть в государстве и управляет всеми нами, запершись в секретном коричневом бюро. Монстра этого никто не видел, но все знают, что выглядит он страшно, и бояться его прогневить, а потому постоянно приносят ему жертвы. Еще мой дед говорил мне, что зверь этот сидит в каждом из нас. Он еще называл его каким-то даже более страшным словом... си-му-лякр, вот! Зверь этот питается страданиями людей, причем не любимыми, а теми, которые вызываются осознанием абсурдности и бесчеловечности бытия. В общем, бестия эта, как и все, желает жить вечно, и потому старается страдания людей максимально растянуть. Ну а в итоге... Не буду описывать целиком процесс со всеми бланками, заявлениями, подписями и всем прочим... Скажу лишь, что посланные по почте тела обычно доходят уже в виде скелетов, шкуры успевают съесть моль, клыки рассыпаются в зубной порошок, а ваше, в смысле, вырванное вами добротное сердце дошло бы уже разложившимся на олады или закрутившимся в готовые вампиры биточки. Так что Вам стоит меня отблагодарить. Например, можете просто прочитать письмо, которое я принес...

– Хватит! – взорвался бессердечный ковбой, сорвав с головы шляпу и в сердцах шлепнув ее оземь. – Я не собираюсь больше иметь с тобой дело, оставь меня в покое!

– Но... как же так? – растерянно пробормотал Демонтин, чуть не выпустив из рук вытщенный на свет божий лист бу-

маги. – Я же спас Вас! От страшного минотавра! Мы спасли, – поправился индеенок, приобнимая за рога Барана. Тот укоризненно посмотрел на Джона.

– Спасли?! Да если бы не вы, ничего бы и не приключилось! Я не хочу, чтобы ты втравил меня еще куда-нибудь!

– Вот это да... Какая... фатальная ошибка...

На глаза парниши навернулись слезы. Джон Даблю Смит их, впрочем, не видел, так как уже развернулся к Шальной Бэтти, намереваясь убраться отсюда подальше. Зато он легко различил заметное дрожание в голосе мальчишки, так и оставшегося стоять на месте, уставившись в удаляющуюся спину ковбоя:

– Но ведь мы только что пережили такое, а Вы... Да признайтесь, у вашего путешествия ведь даже цели конкретной не было. Ну что Вам стоит просто прочитать две строчки?

«Ну что ты как девчонка!» – захотелось крикнуть Джону, но почему-то вдруг стало стыдно. Чтобы этого не показать, он насупил брови, поджал губы, втянул щеки и вытянул подбородок – вообще постарался сделать лицо позлее. Паренек этого не оценил, тем более что ковбой-то к нему так и не повернулся. А вот верная Бэтти оценила – смерив хозяина уничижающим взглядом, демонстративно отвернулась, презрительно махнув хвостом. Ну хорошо, хорошо, ладно!

Придется пожертвовать намерением прямо сейчас отправиться к жене.

Ковбой молча протянул индеенку руку. Тот радостно

впился в нее зубами, тыча ладонью в лицо Джону.

– Демонтин, ай! Да не существует такого дружеского жеста, я просто хочу, чтобы ты дал мне письмо!

– Да, конечно! – вскинулся паренек, отдавая Смиту потрепанную записку.

Ковбой опустил глаза, ожидая увидеть знакомые буквы «WANTED», и ошарашенно замер, отыскав взглядом давно не виданный диковинный значок – своеобразную подпись. Представьте себе схематичный рисунок следа от правой ступни. Наложите на его верхнюю часть условное изображение глаза так, чтобы пять ресничек совпали с палочками-пальчиками. Это она. Метка охотников на мороков.

Рисунок сопровождался короткой запиской: «Салун «У Бил». Спасти осужденного».

Смит задумался. Мысли ковбоев часто витают где-то в облаках, рядом с птицами, но мысли Джона были столь тяжелы, что устремились вниз, и сейчас клубились под каменным небом преисподней, паря на паре от адских костров на паре порхающими бесенятами.

Давненько Джон не видел такого знака. С тех пор, как ушел из Организации. Громко ушел, с огоньком, можно даже сказать, с салютом... Впрочем, может быть, это шанс найти ответы на гложущие его вопросы. Шанс справиться со своим прошлым. Найти искупление и спасение.

– Ну ладно, Демонтин, твоя взяла. Я возьму задание, о котором говорится в записке, хотя и не знаю еще, почему

именно для тебя это так важно, – несколько непонятно, даже загадочно произнес ковбой.

Мальчишка принялся отплясывать какой-то дикий танец на пару с получившим резкое повышение Бараном (ну еще бы, еще недавно был претендентом на недолгое, хотя и пожизненное поселение на скотобойне, а стал главным скакуном полноценного посыльного). Хотя может быть, парнокопытный просто был окрылен тем, что индеенок дал ему отхлебнуть бормотухи из дорожной фляги?

Затем Демонгин всучил-таки ковбою грязный влажный мешок с сердцем вампира. Джон довольно... ну, довольно сдержанно поблагодарил, после чего подобрал шляпу, подошел к верной корове, потрепал ее по холке и прошептал:

– Ну что, старушка, мы снова спасаем мир, да? Как ты смотришь на еще одно самоубийственное путешествие? Тряхнем стариной?

Бэтти серьезно задумалась, после чего одобрительно лизнула ковбоя, смахнув с него изрядную полосу пыли. По-видимому, это было «да»...

* * *

– Ну вот, так всегда. Учила меня мама в детстве, что если долго не менять белье, в постели могут завестись клопы или кто похуже, но она почему-то ни слова не говорила о ковбоях...

– Ну-ну, не обижайся на маму: она просто не могла знать, что мы так расплодимся, – ответил он, сладко растянувшись на кровати и открыв глаза.

Светлые волосы любимой, светлая, залитая солнцем комната, светлые мысли... Откуда-то сбоку тянет съестным духом. Как вкусно пахнет счастье...

– Ну ты и жук! – прыснула девушка, уставшая придавать смешливому личику подчеркнуто серьезное выражение.

– А то! И учти, вообще-то ковбои – они как тараканы и пятна от красного вина – не выводятся.

– Да уж, значит, придется вечно жить с пятном на репутации, – озорным тоном заключила красавица. Затем добавила, надув губки и сжав кулачки: – Только не вздумайте щекотать меня своими усищами, мистер тараканище! Я говорю, не вздумай! Ах...

Через пару минут ковбой вышел победителем из шутиливой борьбы: точнее, остался валяться на постели, аккуратно уложив смеющуюся девушку на разукрашенный ковер сбоку от койки. Длинные светлые волосы расплескались по волнам узора. Лохматая шевелюра довольного ковбоя, ехидно высунувшегося за край кровати, почти касалась точеного девичьего лба.

– Так нечестно, ты вешишь больше!

– Ну, я на это надеюсь. Хотя – все в твоих руках.

– Дурак... – улыбнулась девушка, поднимаясь и отвешивая сопернику звонкий щелбан. В следующее же мгновение

она, впрочем, поцеловала ушибленный лоб.

– Так вот что значит семь пятниц на неделе... – протянул ковбой.

– Еще скажи, что тебе не нравится! Семь пятниц на неделе – это же постоянный отдых и счастье, каждый день как праздник, правда? – красавица уютно расположилась на коленях довольного счастливого. – Между прочим, ты меня чуть не обидел! Так что вам следует извиниться, сэр... Солнечный зайчик, оттолкнувшись от черных часов ковбоя, прыгнул на оголенное плечико волшебницы, а затем поцеловал ее в шею.

– И самое лучшее, что ты можешь сделать, это начать снимать с меня одежду...

Поцелуй был долгим. Красавица вдруг словно вспомнила о чем-то и попыталась отстраниться, но не тут-то было: ее возлюбленный подался вперед, чтобы не прерывать пикантный процесс и не дать произнести что-то вроде «Подожди...». Девушка философски пожала плечами, несколько не по этому поводу не огорчившись. Через несколько секунд парочка уже снова смеялась.

– У меня для тебя сюрприз, и только попробуй его не оценить!

Ковбой, сделав ответственное лицо, кивнул, и очаровашка прикрыла его лицо руками, обдавая манящим ароматом легких духов:

– Закрой глаза. Вот так. Я, между прочим, приготовила

тебе на завтрак нечто особенное. Ну-ка, поверни голову к камину. Та-ак, теперь – открывай!

Джон открыл глаза. Костер уже догорал. Пахло холодным утром. Немного согревали лишь не успевшие рассеяться до конца мысли о доме. Этот ненормальный краснокожий паренек ускакал в свой индейский Канзас еще вечером. «Придется вечно жить с пятном на репутации...». Не вечно: Джон ведь постоянно в разъездах, иначе в этом суматошном мире просто не получается.

Ну что ж. Нужно было в который раз напомнить себе, что как только выполнишь следующее, последнее задание, сможешь вернуться домой, туда, где она терпеливо тебя ждет.

Ковбой начал собирать лагерь. Первым делом выкинул подальше сердце Подлого Гарри. На самом деле Джону оно и вчера нужно не было. Просто не хотелось лишний раз обижать индейского паренька.

Итак, Джона Дабл-ю Смита ждал очередной дрянной городишко. И, насколько мне известен взрывной характер нашего героя, тихая провинциальная жизнь там скоро забурлит, закричит да забегает...

Глава вторая, в которой неприятностей по самую шею, а спасение приходит в морде кровожадных монстров без лиц, мозгов и сантиментов

Дорогой слушатель, заносили ли тебя ноги в местечко под названием Далсвилль? Если да, то уносил ли ты их обратно? Вспоминал ли потом, как неторопливо бродил по этим серым улочкам, как быстро бегал от злючих городских собак, как набожно стоял на коленях перед старым пастором, лениво поводящим ружьем от собак к тебе и обратно?... Жизнь в городке всегда текла так неспешно, что эволюция, смачно плюнув на всё, пошла в обратную сторону. Дома рушились от времени, ветра, песчаных бурь. Жители разрушались от выпивки, грязи и лени. Античная формула «хлеба и зрелищ» заметно выродилась. Хлеб превратился в дрянное пиво, которое затем деградировало до ядреной бормотухи. Зрелищные сражения давно вышли из моды. Теперь исход действия был всегда известен заранее, и зрители от представления к представлению довольствовались одним и тем же сюжетом – чьей-нибудь казнью. Сейчас, впрочем, шла неделя высокой культуры – казней было запланировано аж три.

Джон находился в деловом, финансовом и духовно-просветительском центре сего дивного местечка, где вплотную познакомился с главной городской достопримечательностью: пил местный (точнее, местное, а если не повезет, то и местную) виски в салуне «У Бил».

Салун этот был братом-близнецом того заведения, где любил ошиваться Подлый Гарри. Братом-близнецом, сделавшим чуть более удачную карьеру, и не устающим напоминать об этом окружающим: дородные тараканы бегали по остаткам разбитой мозаики, когда-то (зачем-то) украшавшей пол, пиво подавалось в вычурных бокалах с погнутыми или отбитыми ручками, а в посуде можно было даже порой выловить остатки дешевого мыла. В результате даже самое скверное пошло заведение приобретало терпкий привкус провинциального шика. Все остальное было стандартным: трухлявая крыша, подгнившие стены, деревянные столы, дубовые головы посетителей, среди которых затесался и наш герой.

Ковбой мучительно размышлял, кто из невольных претендентов на главную роль в грядущем представлении – его клиент. Большой Стэн – местный шериф – решил разукрасить серые будни хотя бы за счет разноцветных висельников. Так, должны были вздернуть красного индейского шамана, желтого китайца-продавца из «Чайна чай энд ганс» и Грязного Мышиного Ларри из центральной булочной.

Краснокожего застукали, когда тот подстрелил любимую корову шерифа и уже копался в ее внутренностях, очевидно,

надеясь предсказать себе вкусный обед. Вероятно, предсказателем он был настоящим, потому что когда Стэн с кроткой улыбкой спросил: «Как думаешь, какая участь тебя ожидает?», индеец, не меняя безучастного выражения лица, попытался зарыться в несчастной корове с головой. Неужто нужно будет помочь этому волшебнику Изумрудного города? Впрочем, были и другие претенденты.

Китаец (настоящее имя его было сложно запомнить, поэтому звался он просто и логично: Джеки Чай) сгорел на работе. Кстати, вместе со своим лучшим клиентом – Веселым Винни. Поговаривали, что Винни был потомком английского пэра, а потому большим эстетом – по утрам он всегда пил чай. Сидел в рваном халате на своем древнем табурете, лениво постреливал показывающихся из подвала крыс и давил бормотуху, важно прихлебывая чаек из дедушкиной кастрюли. Однажды на рассвете Жизнерадостный Винни стрелялся с одним заклятым врагом. Для этого он заказал чудо-пистолет в своем любимом магазине. Но Джеки что-то напутал, и когда Винни нажал на курок, выстрела не прозвучало. Зато пистоль почему-то начал источать тончайший аромат изысканных чайных листьев. На беднягу вдруг снизошло какое-то озарение, но поздно. С дуэли Озорной Винни принес не лучшие воспоминания, а также шесть пуль, засевших в самых интересных местах. Одна, например, в голове. Постанывая, несчастный, все пытавшийся вспомнить суть недавнего озарения, осторожно рухнул на свой люби-

мый табурет, решив утешиться хотя бы новыми горячими травами, которые Джеки обещал заправить в его заветную кастрюлю. Поставил чай на огонь. Говорят, последний раз Зажигательного Винни видели пролетающим над ратушей...

Ну а что касается казни хлебопека Грязного Мышиного Ларри... Соотнесите его профессию с прозвищем, и сами поймете, чем он пришелся жителям не по вкусу. Как и его изделия...

Размышления ковбоя прервало появление в салуне нового посетителя. Выглядел он потерянным. Еще бы! Он явно ошибся местом (тысяч на десять километров), временем (лет на двести), да и вообще зря родился (сто долларов ставлю на то, что еще хоть шаг по неровной дороге жизни он не сделает).

Гладко выбритая физиономия непонятной личности была столь непохожа на обычные ковбойские рожи, торговые хари и разбойничьи рыла, что местные мордовороты сначала приняли ее за девичье личико.

Белая рубаша сияла такой чистотой и свежестью, что была плевком в лицо и душу каждому местному мурлу.

Ноги обтягивали синие штаны неведомого покроя, в которых приличный человек в этих краях далеко не уйдет. Незнакомцу стоило бы воспарить над землей, надеясь, что жители Далсвиля примут его за безобидное сумасшедшее приведение, но на заплеванном полу его держали белые тапки неизвестного фасона, в каких только в гроб ложиться.

В общем, парень был похож отнюдь не на Клинта Иствуда. Скорее уж на явного Марти МакФлая...

Обитатели трактира зашушукались, настороженно косясь в сторону пришельца. Тем временем этот самоубийца взволнованной походкой подошел к барной стойке. За ней как раз расположилась хозяйка заведения в грязном переднике: здоровенная бабища лет сорока с бицепсами Шварценеггера и личиком бронетранспортера. В глазах ее застыл молчаливый вопрос, который она, впрочем, тут же высказала, да еще в такой форме, что я и озвучивать не буду.

Пришелец сразу сник и, слегка заикаясь, ответил.

– Зд-дравствуйте, прекрасная леди. Мое имя Ин-нокентий. Я прибыл издалека, и как раз хотел попросить Вас об одном од-должении. Но прежде скажите, как я могу Вас величать?

В ответной реплике трактирщицы – краткой и нецензурной – было все: шок, изумление, ярость и кокетство, оскорбление и приглашение, угроза и обещание. Такая гамма чувств никогда еще не выражалась одним емким словом.левой рукой неловко пригладив сальные волосы, а правой привычно потянувшись к дробовику, хозяйка настороженно процедила:

– Билл.

Брови гостя поползли вверх:

– А с виду и не скажешь. Прекрасная Билл, боюсь, тогда у тебя на вывеске очепятка, не хватает одной «л».

Джон Дабл-ю Смит поперхнулся виски. К счастью, никто не обратил внимания на такое расточительство, иначе ковбою предъявили бы столько претензий, что на дуэли пришлось бы потратить весь вечер. Посетители скучковались вокруг одинокого бродяги со странным именем. Он, к сожалению, как раз подбирался к сути своей просьбы:

Скажите, Вы здесь случайно не знаете ни одного колдуна, специализирующегося на перемещениях в пространственно-временном континууме? Или хотя бы какого завалящегося Кристофера Ллойда?

Нет, его даже не побили. Просто накинули мешок на голову, упеленали, как сумасшедшего младенца, взвалили на плечи и осторожно вынесли на главную площадь, где шериф как раз готовил казнь.

Джон прикончил выпивку. Медленно встал, надел шляпу и отправился на выход. Кажется, теперь записка становилась одновременно осмысленней и загадочней.

* * *

Посмотреть на казнь пришли все городские жители. Даже те, кто ходить давно уже не мог или в принципе не умел. Старый пастор лихо припарковался у помоста на кресле-каталке, которое было оборудовано потайными отделениями для переносной библии, для выскакивающих по требованию шипов, а также для пары миниганов и галлона святой воды – на

случай выездов на дом. Мистера О'Рейли, плохо переносящего солнечный свет, добрые соседи принесли прямо в гробу, чтобы вампир смог вылететь, когда жара чуть спадет. Даже гигантский человек-гусеница Марлон, когда-то мутировавший от укуса шелкопряда, приполз вместе со своими подражателями: Хмельным Джо и человеком-пьяницей, отравленным в свое время дрянным бренди.

Зрители ждали начала. Показывали пальцем на обвиняемых, драли глотки, рвали шкуры, расправляли крылья, а то и били клювы.

Центральная площадь Далсвиля представляла собой неухоженное каменное поле, украшенное лишь манящим многих незадачливых туристов деревянным эшафотом, сколоченным криво, зато с душой. Уйти с этих гостеприимных подмостков можно было, только отплясав медляк с пеньковой веревкой. И плясали обычно так, что дух вон. На бис, естественно, уже не выходили. Кроме, разве что, одного давнего случая лет шестьсот шестьдесят назад (для круглого счета обычно говорили «шестьсот шестьдесят шесть»). Бездушный Эдди был первым вампиром, появившемся в городе, и жители истратили дюжину веревок, пытаясь его повесить, не понимая, что это бессмысленное занятие. Он лишь качался с головой в петле, как на качелях, да презрительно поплевывал в зрителей. В общем, неуважительно подошел к своему актерскому амплуа...

Сегодняшние обвиняемые еще разминались: с трудом ба-

лансировали на шатких табуретах. За шею их поддерживали грязные веревки. Старый индеец, одетый в национальные одежды (перья, лосины, еще перья) и чем-то неуловимо похожий на Демонтина (или любого другого индейца), умудрялся сохранять бесстрастное выражение лица. А вот растерянный китаец явно нервничал. Еще бы: никто почему-то не подумал о том, что высокий шаман и желтый коротышка разного роста. Рядом со своим краснокожим собратом по несчастью задыхающийся китаец, едва достающий до табурета пальцами ног, казался даже более красным, а местами и совершенно зеленым. «Ничего, скоро все будем синюшного цвета!» – участливо подбадривал незадачливого торговца Грязный Ларри – толстоватый здоровяк в замызганном фартуке, оккупировавший третий табурет. Совместная беда сближает, и пекарь, как бывший разбойник, не раз оказывавшийся в подобных обстоятельствах, поднимал дух товарищей как мог: «Ну что, хрен пернатый, радуйся: скоро с духами напрямую общаться будешь. Встретишь там моего названного братца, передай ему привет... да запрет снова выкапываться из могилы, а то достал уже родственничков, мочи нет...».

В общем, складывалась самая благоприятная праздничная атмосфера. Больше всех почему-то беспокойно дергался куль с Иннокентием, что лежал рядом с помостом. Его решили пока не трогать, чтобы достать непосредственно к представлению, как игрушку из мешка Деда Мороза. А вот,

кстати, и Дед Мороз.

На самое видное место вымощенной булыжником площади вышел шериф – Большой Стэн. Борода лопатой, лицо тоже как у Льва Николаевича, только все в шрамах, да налитые кровью глаза сильно навывате. Но выражение – точно как и у классика – вечно недовольное, и особенно сегодня. Еще бы! Он умудрился оставить дома свой счастливый талисман – первую серебряную монетку, полученную от благодарных жителей за защиту. На чувствительном сердце у старого рэкетира было неспокойно, но на каменном лице ни усика не шевелилось. Имидж старый таракан ценил.

Шериф олицетворял закон и порядок в Далсвиле уже лет двадцать. Ну а так как город был сосредоточием анархии и хаоса, сразу ясно, что это была та еще образина. Говорят, лет десять назад местные края посетил святой паломник. Он так ужаснулся разгулу преступности – бандитам и особенно людям шерифа – что наложил на Стэна страшное проклятие. Хозяин Фемиды больше не мог лгать. Жаль только, святой не догадался сделать так, чтобы Стэн перестал быть Большим – то есть не отобрал у него полтора центнера мускулов, любовь к огнестрельному оружию и ярость берсеркера. В результате расплющенный паломник превратился в половник в доме агрессивного шерифа. Но с тех пор каждая речь самоуверенного громилы была незабываемым зрелищем. Он, кстати, как раз начинал говорить.

– Осточертевшие мне жители этой грязной помойки, ко-

торуую наши предки, чтобы им воскреснуть и еще раз мучительно помереть, почему-то назвали городом Далсвиль! Я бы хотел лично пожать руку, лапу, крыло или хотя бы ступню каждого из вас, чтобы, зажав ее в тиски, с удовольствием плюнуть в ваши обрыдлие рыла. Но не могу. Ибо вас много, а я один. И мне нужна ваша помощь. Точнее, ваши деньги и безоговорочное подчинение моим самодурским приказам. И потому я кидаю вам эту кость. Жрите, собаки. Но сначала поржем...

Жители аж прослезились, в который раз умилившись искренности старого разбойника. Тот повернулся к обвиняемым.

– Последнее слово? – ехидно выкрикнул шериф.

Джеки Чай, дико пуча глаза и мысленно поминая китайскую япону мать, умудрился-таки прохрипеть что-то вроде:

– Уважаемый шериф-сан! Боги снизошли с небес, дабы наградить тебя неиссякаемой энергией ци и здоровьем священного тигра. Но за то, что ты хочешь сделать, они ниспосллют на твою наполненную грязными мыслями пустую голову...

– Каменюгу потяжелее... – с готовностью подключился к высказыванию пожеланий Грязный Ларри.

– ...положат к твоим ногам... – с благодарностью чуть повернулся к пекарю китаец.

– ...коровьих лепешек вперемешку с углями из адских костров... – продолжал бывший бандит.

– ...и хренову тучу самых мерзотных болезней и проклятий... – не выдержав, переключился Джеки на стиль речи товарища.

– ...ниспошлют на твое уменьшающееся по милости Великого Дракона с каждым нечистым делом мужицкое достоинство... – сделал ответный реверанс Мышиный Ларри.

– ...дабы не оскверняли в будущем мира живых и мертвых души твоих нечистых потомков, – взял заключительный аккорд все такой же неподвижный и серьезный индейский шаман.

Большой Стэн мило оскалился во всю дюжину кривых зубов и вежливо поклонился. Говорят, от улыбки станет всем светлей, но здесь явно другой случай. Грязный Ларри попытался что-то прожестиковать в ответ, но веревка врезалась в горло так, что в глазах потемнело. Шериф, будто вспомнивший вдруг о какой-то приятной мелочи, сделал знак помощникам. Те резво извлекли последнего участника представления на божий свет, источавшийся оскалом Большого Стэна. Загадочный посетитель Далсвиля, некогда даже привлекательный, сейчас выглядел жалко. Небесной белизны рубаха от столкновения с земным свинством превратилось во вполне соответствующую ситуации рванину. Длинное худое тело почему-то застыло, будто парализованное, и только руки дрожали так, что некоторые жители забеспокоились, не начинает ли бродяга сейчас перекидываться в волка или в кого похлеще. Ему предоставили объяснительное

слово. Может быть, даже не последнее, а?

Иннокентий испытывал всем понятные чувства. Ну а если вас все-таки никогда не переносило во времени на Дикий Запад, на вас никогда не облизывалась толпа оборотней, вампиров и людоедов и вы никогда не ждали мучительной казни в богом и бесом забытом убогом и чертовом месте, тогда просто поверьте: несчастный совершенно офонарел от ужаса, и уже ничего не соображал. Любопытно, что при всем этом зажмурившийся от страха «подсудимый» даже не заикался, говорил складно, уйдя в себя. Разве что не очень понимал, что несет. Конечно, парень надеялся, что все вокруг – его буйный бред, но вдруг нет? Жить что-то очень захотелось... И надо было хоть как-то убедить агрессивные галлюцинации пощадить его.

– Я не знаю вас... Вы не знаете меня... Но, может быть, наша встреча не случайна. Может быть, именно я должен открыть вам глаза!

Иннокентий вдруг распахнул веки и почему-то уставился на шурящегося от заходящего солнца мистера О'Рейли. Тот вздрогнул. Толпа притихла, плотоядно поглядывая на оратора. К счастью, пришелец не обратил на это внимания. Он вдруг разглядел в злобной толпе что-то необычное. Лицо девушки. Она, как полагается в подобных историях, обладала неземной красотой, но речь сейчас о другом. У нее на лице была эмоция, которую не испытывал, наверное, никогда ни один житель Далсвиля. Страх – но не за себя. Незнакомка

боялась за него – Иннокентия. Парень почувствовал, что стало хоть чуть-чуть спокойней. Он снова ушел в себя (раз уж уйти со сцены, да еще и живым, у него все равно бы не получилось). Иннокентий пытался придумать или хотя бы вспомнить какую-нибудь наиболее проникновенную речь. Из какой-нибудь книги. Или фильма. Что может впечатлить этих бездушных «ковбоев»?

– Оглянитесь!

Жители подозрительно огляделись, ожидая подвоха, а мистер О’Рейли, чем-то похожий на располневшего Табакова, слегка вжал голову в плечи. Иннокентий машинально продолжил.

– Оглянитесь вокруг, сэры. И вы увидите мир...

Толпа настороженно замерла. Трактирщица Билл хотела было возмутиться, но посмотрела на вдохновенную фигуру пришельца, и быстро растаяла.

– ...который несовершенен...

Пьяный Джо шумно выдохнул, Большой Стэн, кривляясь, закатил глаза и зевнул. Лишь старый пастор, казалось, слегка заинтересовался.

– ...страну, которая заблудилась.

Человек-гусеница Марлон печально посмотрел на человека-пьяницу. Тот пустил горькую сорокоградусную слезу.

– Кровь... – ударил голос Иннокентия по облизнувшемуся мистери О’Рейли.

– Порок... – затронул лирический баритон неведомые до-

селе струнки в душе леди Билл.

– И алчность... – попал обличающий глас в глаз к икнувшему шерифу – к сожалению, только метафорически.

– ...разъединяют нас. Мы дошли до предела, за которым пропасть и вечный мрак.

Каждое слово лупило жителей Далсвиля по самым больным местам. Клянусь, под грязью, яростью и болью впервые за много лет стали проявляться пусть не всегда человеческие, но вполне гуманистические морды. Жители неуверенно заерзали, смущенно глядя друг на друга. Казалось, еще чуть-чуть, и эта дикая урла всей кодлой ломанется в монастырь, лишь памятник сперва поставит одному нечаянному проповеднику!

Вот только тот все никак не мог остановиться. Хотя и приблизительно помнил, к чему все идет. Перефразируя классика, скажу, что впереди маячил даже не финский нож, а свет новой религии, а следовательно, неизбежный костер...

– Но...

Далсвильцы с надеждой потянулись к Иннокентию. Даже осужденные, кажется, забыли о своем нелегком положении.

– ...выход есть.

Леди Билл, не удержавшись, всхлипнула от избытка чувств. Пьяный Джо в очередной раз шумно вздохнул. Пастор обрадованно огляделся.

– Да-да, я это понял... Иннокентия все несло и несло.

– ...в тот незабываемый вечер, когда попал на бульвар Ка-

пуцинов на сеанс к Люмьерам...

Кажется, остановиться надо было пару предложений назад. Жители начали недоуменно переглядываться.

– ...Синематограф!

Все застыли. Вот не надо. Не надо было пугать свору душегубов таким страшным заклинанием. Старый пастор расстроенно закрыл лицо рукой. Ну не любят тут фанатиков каких-то новых религий.

– ...Вот тот мессия, который способен изменить все. Он сделает нас чище, лучше. И вот ради этого я готов принести в жертву все. Даже собственную жизнь...

Наконец, Иннокентий замолчал. И даже заставил себя приоткрыть глаза. Сказочная девушка куда-то пропала. Да была ли она вообще? Слегка пришибленный загадочной речью шериф озадаченно вперил взгляд в тщедушного умалишенного.

– Вот тебе, змеюка, последний день... Нет, приятель, как скажешь, но извини, мы тебя не повесим...

– Правда? – не веря своему счастью, выдавил пришелец.

– А то. Мы тебя сожжем – на всякий случай. А ну, ату его!

Иннокентий как-то резко осунулся, поскучнел – проще говоря, сполз в спасительный обморок. Разочарованная было толпа радостно загудела. Потом завизжала. Потом завывала. Упс!

Все резко стихли. Большой Стэн оттянул пальцем ухо и закрыл глаза, чтобы лучше слышать. Потом закрыл уши и

установился куда-то вдаль, надеясь увидеть источник звука. Отдаленный шум повторился. Ну конечно, это завывала во- все не толпа...

* * *

Мы же совсем забыли про Джона Дабл-ю Смита! Нет, выл, конечно, не он, но...

Дело в том, что ковбой твердо вознамерился помешать шерифу довести до печального конца традиционное развлечение и жизни его участников. Уж слишком интересные вещи вертелись вокруг этого малахольного Иннокентия. Правда, в одиночку выскакивать на площадь верхом на боевой корове, расшвыривая праздных зевак и паля во все стороны, было как-то... слишком самоубийственно. Даже для опытного в самоубийственных предприятиях Джона Даблю Смита. Поэтому ковбой, столько лет охотившийся на разнообразную нечисть, повел себя максимально неожиданно. Он произвел обряд призыва. Для этого потребовались сущие пустяки: котел, мел, свечи, пара флаконов желчи жаждущей любви старой девственницы, бутылочка крови и мозговой жидкости тоскующего по жизни гуля, слюнная железа банкира и – для остроты – щепотка соли. Ладно, щучу, конечно. Соль не требовалась – только прах первого депутата Дикого Запада. Все это, естественно, легко можно было найти в ближайшей аптекарской лавке. Ах да, еще нужна была вещь, дорогая как

можно более жадному человеку. Тут долго думать не надо было. Надо было быстренько вломиться в дом к шерифу, пока его нет. Что Джон и сделал, нагло сперев счастливую монетку главного хапуги. Один безмозглый охранник, правда, хотел помешать ковбою, и даже незаметно подобрался ему за спину, но каким-то чудесным образом запнулся о половник и размозжил свою гнилую голову. Так что сам собой решился вопрос с жидкостями гуля.

Когда пентаграмма и зелье были готовы (вот Стэн удивится, зайдя в пыточную, точнее, на кухню), Джон обмакнул монетку в злобно воняющую жидкость. Благоухание живо передалось несчастливому талисману. Место начертания шестиконечной звезды уже не имело значения. С этого момента все пустынные жабы на тридцать предательских километров вокруг должны были постепенно стягиваться на запах жадности, исходящий от серебряника...

* * *

Итак, воздух огласился воем, который приближался со всех сторон. Вдруг кто-то бросил к ногам Большого Стэна маленький блестящий предмет. Доллар упал на мостовую, звеня и подпрыгивая. Старый пастор, оказавшийся ближе всех к шерифу, принялся и презрительно бросил:

«жабы!». Стэн, предчувствуя, что скоро все пойдет наперекосяк, болезненно застонал, как испорченная шарманка.

Найти бы умника, кто все это устроил, да времени нет...

Слышали ли вы, как воют жабы? Пустынные жабы. Их даже чистой нечистью (простите за каламбур) не назовешь. Так, гибриды паршивые. Порождены не каким-то конкретным страхом, а общим ощущением неуверенности, опасности, а главное вины. Они похожи на ожившие клубы пыли, незатейливо украшенные несколькими зубастыми челюстями и клыкастыми лапами. Словно их придумал ленивый второсортный фантаст. Количество конечностей у жаб всегда разное, единственное, что точно присутствует у всех – ненасытный пустой желудок. Который вполне может на время наполниться случайным поганцем, чувствующим, что заслуживает этого. Особенно вкусными, впрочем, жабы считают жадюг. Поодиночке пустынные жабы слабы, но против стаи не выстоять почти никому.

Вой все громче. До жителей вдруг начало доходить, что воскресное представление набирает брутальности, и вместо того, чтобы быть безучастными зрителями казни, они рискуют начать бить других участников кровавого реалити-шоу...

Видели ли вы когда-нибудь настоящую панику? Когда все визжат как резаные, покрываются мурашками по-гусиному, носятся как угорелые да суетятся как два пальца в розетку вложившие... Так вот, ее не было. Скорее наоборот, жители обрадовались нежданному развлечению. Мистер О'Рейли, как вампир, молча почистил клыки. Трактирщица Билл, как оборотень, быстренько покрылась шерстью, человек-гу-

сеница Марлон, как... человек гусеница, ничего особенного делать не стал, а старый пастор, будучи самым опытным из местных, неторопливо освятил свой пулемет и привел кресло в боевую готовность. Подобные метаморфозы произошли еще с парой дюжин зевак, так что площадь быстро превратилась в диковинный зоопарк. Люди, оставшиеся хотя бы отдаленно похожими на людей, просто подоставали ножи да пистолеты.

Наконец, жабы прискакали на площадь и застыли, окружив собравшихся. Большой Стэн, вспомнив о своем положении шерифа, не глядя сделал три выстрела в сторону осужденных. Те попадали наземь – обрывки веревок остались болтаться на шеях как диковинные ожерелья. Привыкшие к превратностям судьбы висельники деловито похватили запасное оружие у ближайших доброхотов из числа недавних зрителей. Джон Дабл-ю Смит, затерявшийся в толпе, нашел глазами Иннокентия и облегченно вздохнул – теперь надо лишь сделать так, чтобы невезунчик не откинул свои белые тапки в общей свалке.

Шериф, глядя прямо в пасть ближайшей страхолюдине, медленно подошел к злосчастной монете, присел, не сгибая спину, и положил ее в нагрудный карман, как бы говоря: «накося-выкуси, хрюндель». Обиженная жаба подала громкий квак к атаке.

Иннокентию уже давно не снилось ничего хорошего. А тут вдруг подфартило. Он встретился с чудесной девушкой, которая как раз собиралась его поцеловать. И хотя сновидец знал, что это всего лишь сладкая дрема, фантазия, очень уж хотелось ощутить на губах этот призрачный поцелуй. Такой необычный. Пожалуй, чересчур мокрый...

Иннокентий открыл глаза. И тут же пожалел об этом. На него капала слюна. Это не самое страшное. Страшно, что она выпадала из жуткой пасти с полусотней корявых зубов. А еще страшнее было то, что пасть принадлежала какому-то невнятному куску мяса и пыли, на котором подобных челюстей было еще штук шесть.

Не успел бедолага всерьез испугаться, как раздался выстрел. Помогло: вот теперь ему стало стрёмно до невозможности. Зато жуткая масса, дернувшись, упала куда-то в сторону. Иннокентий повернул голову. На него во весь опор несся типичный ковбой... на корове. Агрессивный такой – смотрит прямо в глаза и безостановочно стреляет. Ой, мама!

Конечно, Джон Дабл-ю Смит палил отнюдь не в прищельца. От его пуль пали пять жаб. Ковбой притормозил. Кинул спасенному запасной кольт.

Пистолет с силой врезался в нос и так оглушенного стрельбой Иннокентия. Ковбой мысленно выругался. Потом

выругался вслух, мысленно закатив глаза. Не помогло: пистоль остался лежать на земле. Ковбой сплюнул (угадайте, мысленно ли!) и попытался подобраться поближе, но навалившиеся с новой силой пустынные жабы оттеснили его от неуклюжего бедняги.

Тот, кстати, наконец прекратил стенать и огляделся. Слух возвращался. А жаль... Вокруг царила дикая какофония. Волосы Иннокентия встали дыбом так резко, будто хотели оторваться, придав хозяину хоть немного столь необходимой брутальности Брюса Уиллиса. Впрочем, дрожащий пришелец скорее стал бы похож на Луи де Фюнеса...

Жуткая картинка соответствовала шумовому ряду. Какая-то бойня. Клыки, когти, крики – катастрофа! Вот мимо проскакал огромный серый волк, в загревок которого вцепился знакомого уже вида коричневый клыкастый клочок. На волке, кстати, почему-то красовался передник этой странной леди Билл. А вот зеленая гусеница размером с амазонскую анаконду, проглотившую палеолитского мамонта, поднимается на заднюю дюжину ног, а потом резко падает наземь, накрывая собой несколько коричневых комков за раз. Точнее, комков-зараз. Или, скорее, уже не комков, а лепешек. Вдруг совсем рядом проехал почтенный пожилой мужчина в рясе священнослужителя, азартно поливающий из компактного огнемета, приделанного к инвалидному креслу, пищащую бурю массу.

Голова Иннокентия закружилась. Он упал наземь, слу-

чайно накрыв ладонью примитивного вида пистолет. Машинально взял его. Вот бы тот неожиданный спаситель это увидел, поразился бы. Пытаясь отыскать взглядом сумасшедшего ковбоя, пришелец наткнулся на полную его противоположность – бездушного шерифа, пытавшегося пятнадцать минут назад отправить парня на костер. Вокруг лежащего на камнях гиганта дергалось в конвульсиях множество мохнатых тел, но одно, усевшееся ему на лицо, кажется, даже не кусало, а просто душило негодяя.

Иннокентий прислушался к себе, слабавольно надеясь почувствовать, что снова падает в обморок – словно в объятия той фантастической красотки. Но нет. Пришлось стиснуть зубы и поковылять в сторону, где разворачивалась самая странная борьба в партере. Никогда не державший в руках оружия, бедолага не стал стрелять, опасаясь попасть в голову блюстителя беспорядка. Так что он просто саданул рукояткой куда-то по скрипящей зубами массе.

Через мгновение раскрасневшийся шериф уже жадно глотал воздух, выпучив глаза на недавнего осужденного – именно на лицо Иннокентия перебралась обиженная пустынная жаба. Пасти твари раскрылись, глаза жертвы зажмурились. Вдруг жаба недовольно квакнула и соскочила с бедняги, уползая куда-то в сторону. «Тоже мне святой...» – с досадой подумал Большой Стэн, посылая пулю в спину паскудной твари (если только у клыкастого комка есть спина).

Спустя несколько секунд общий гам несколько стих. Тря-

сущиеся от усталости и азарта горожане с интересом переглядывались. Кажется, праздник жизни обошелся без смертельных исходов со стороны доблестных гладиаторов грязного во всех смыслах Далсвиля. И кажется, это и называется победой.

* * *

Народ начал расходиться. Только вокруг старого пастора расположилась группка тех, кому нужно было вправить вывихнутые конечности и вставить выбитые зубы (и от того, и от другого всех уже изрядно воротило, но что делать...). Джон Дабл-ю Смит тем временем пытался вправить мозги несчастному гостю Далсвиля – Иннокентию.

Все заключенные были на радостях освобождены от виселицы. Джеки Чай, поддерживаемый Мышиным Ларри, ковылял прочь, хрипя, что на остаток жизни найдет себе занятие поспокойней. Скажем, будет куриц разводить...

Перед Джоном жители чувствовали себя в неоплатном долгу за великолепное развлечение. Ну а Большой Стэн был так благодарен Иннокентию за спасение, что сделал ему подарок: не стал жечь на костре. Неисправимый скупердяй сказал, что виселица и костер это разные вещи, поэтому общая амнистия его не касалась. Кто бы с ним стал спорить...

Однако путешественник во времени все еще не улавливал некоторых нюансов происходящего. И даже ковбой не мог

тут ничем помочь. К тому же он вдруг замолчал, глядя на Шальную Бэтти. Точнее, на ее спутника.

Рядом с боевой коровой с самым невинным видом вышагивал до головной боли знакомый бравый Баран. Значит, где-то рядом неуемный индеенок. Ну конечно, вон он: мельтешит, носится как угорелый вокруг спасенного шамана.

Иннокентий проследил за взглядом Джона.

– Ух ты, как похожи...

– Да... – недовольно протянул ковбой. – Конечно. Все краснокожие на одну рожу.

Но смутное предчувствие уже поселилось у ковбоя под ложечкой и активно высасывало, даже скорее вычерпывало оптимистичное настроение.

– Спасибо, что спасли моего деда! – радостный тон Демонтина немного не вязался с чуть смущенным лицом.

Деда?! Бэтти фыркнула. Джон хотел сделать то же самое, но подумал, что это плагиат. Тогда решил встряхнуть головой, но хитрая корова снова его опередила, помахав рогами. Тогда ковбой мстительно сжал пальцы в кулак. Шальная Бэтти озадаченно посмотрела на свои копыта и почти обиделась. На счастье индеенка, Джон Дабл-ю Смит так увлекся молчаливым соревнованием, что упустил момент, когда надо было гневно дать мальчишке по лбу, а теперь было как-то неловко. Так что вдвойне обрадованный Демонтин продолжил:

– На самом деле это я написал записку. Не стал указывать, что надо спасти именно благороднейшего и прекраснейшего

шамана, чтобы Вы ничего не заподозрили.

Ковбой нахмурился.

– Но эта печать...

– Пусть луна вечно улыбается тебе, мистер ковбой. Это я в свое время... одолжил ее у местного торговца – мистера Спекула. Кстати, странно, что я не видел его сегодня на площади... – вмешался в разговор старый индеец. Джон хмыкнул: ну что ж, понятно, в кого парнишка такой резвый. Иннокентий вдруг распахнул рот от удивления, заметив, наконец, что перья индейского шамана не крепятся на макушке, а растут прямо из головы. – Я отдал печать Легкой Походке, предвидев, что это событие начнет невиданный по красоте сюжет, который плетут звезды. К сожалению, меня поймали как раз тогда, когда я пытался углубиться во внутренний мир одной освященной коровы, чтобы узнать, что за историю пишет отец-небо. Я не успел. Теперь же, увы, звезды изменили свое положение, и этой линии судьбы не предскажет уже никто...

– В общем... – снова вмешался Демонтин. – Я подумал, что с печатью записка станет солиднее, осмысленней. Я как раз искал, как помочь деду. И тут случайно увидел, как ты здорово убил Подлого Гарри! (Брови позабытого всеми Иннокентия в который раз за день поползли вверх, и парень постарался незаметно отстраниться от ковбоя). Я почему-то сразу понял: вот тот, кто мне нужен.

Джон Дабл-ю Смит, казалось, был не так уж и удивлен

невероятным стечением случайностей, приведшим его сюда и заставившим спасти Иннокентия. Внимательно уставившись на мальчишку, ковбой спросил:

– А где сейчас сама эта печать? Демонтин потупился.

– Мне кажется, я ее как-то сломал. После того, как я приложил ее к бумаге, она просто рассыпалась в прах...

– Не надо строго его судить – такова судьба, – важно кивнул шаман.

– Да, судьба... – задумчиво протянул Джон. – Даже ты, шаман, не представляешь, насколько ты прав...

– Друзья, это, конечно, все очень мило... – устал от бессмысленности происходящего Иннокентий. – Но мне нужно серьезно с вами поговорить. Вы мне не поверите, но...

– Пойдем, на месте поболтаем, – прервал его изливания ковбой.

– Ох, и куда мы идем? – обреченно сдался без боя пришелец.

– Туда, где на Диком Западе решаются все проблемы. Надеюсь, милая Билл уже открыла свое заведение...

**Глава третья,
в которой на плечи героев ложится
тяжелая ответственность, и сердце
буквально рвется из груди. А
все потому, что повстречалась
такая рыбка – ну просто огонь!**

В салуне «У Бил» давно не было так весело. Посетители уничтожали недопитую выпивку, словно недобитых жаб – шумно, бурно, с огоньком. Каждый из них считал долгом рассказать о своих подвигах на площади, а также публично извиниться перед Иннокентием, сказать, мол, мой дом – теперь твой дом. И если принять все заявления на веру, получается, что в общей сложности количество перебитых и передавленных жаб в несколько раз превышало население всего Дикого Запада, а Иннокентий мог бы объявить себя мэром, а то и новым единоличным владельцем всей недвижимости Далсвиля. Ему впрочем, это нужно было как собаке пятая нога, киту первое ухо или покойнику галоши. Впрочем, говорят, мистер О’Рейли без галош из гроба и не выходит...

Наконец, поток душевных излияний чуть поутих. Прав-

да, леди Билл, тронутая проникновенной речью Иннокентия на площади, все пыталась с ним заигрывать, но с помощью Джона от нее удалось избавиться: «Дорогая, союз волчицы и человека до добра не доведет. Ну только представь, что потом будет делать ваш гипотетический Маугли, когда душа его будет хотеть сделать мир светлей и чище, а инстинкт будет требовать кровавой бани?». Так и не скумекав, угрожал ей ковбой или проявил заботу, да и что он вообще такое сказал, трактирщица в задумчивости отошла.

Теперь можно было и поговорить. Джон слушал Иннокентия как отличница декана, как Петька Чапая, как памятник Ленина митингующих и влюбленных... Внимательно, в общем, слушал.

Итак, со слов Иннокентия выходило, что он, двадцатичетырехлетний студент со средними литературными амбициями, стабильной психикой и ненормированной работой, без судимостей и без определенных планов на жизнь, вытянул за хвост судьбу гражданина двадцать первого века в мире, где цивилизация победила мракобесие. По крайней мере, внешне. Все сверхъестественное, не автоматизированное повседневным опытом там – атрибут фантастических романов и каких-то «киношек».

Но однажды бедолага все же столкнулся с, как он выразился, «ерундовиной мироздания», не укладывающейся в привычный ход вещей.

Эта нелепость бытия была двух метров ростом, щеголя-

ла роскошными усами и одеждой, как будто свистнутой из фильма про ковбоев, но выкрашенной в белый цвет. (Тут Джон Дабл-ю Смит почему-то напрягся.)

Незнакомец выскочил как чертик из табакерки. Точнее, эта огромная чертовщина вывалилась из здорового платяного шкафа.

Самая пикантность заключалась в том, что шкаф находился в запертой квартире – в квартире Иннокентия, и в нем никак уж не могла завестись живность побольше моли. Тем более такая экстравагантная. Кстати о моли – там даже одежды не было! Только декоративный безымянный меч хранился – приз за победу на одном литературном конкурсе. Иннокентий грешным делом подумал было, что жена завела любовника, которого и спрятала там, где полагается. Вот только жены у него отродясь не было...

Итак, эта усатая абсурдность открыла дверцу изнутри и с порога понесла околесицу:

– Ты – иновременник!

– Нет, я Иннокентий, – машинально ответил изумившийся студент. – Вы, наверное, шкафом ошиблись...

Тут негодяй почему-то повел себя агрессивно. Кеше еще успел броситься в глаза странный рисунок, выведенный на шляпе неприятного гостя, а затем в правый глаз бросился неприятельский кулак, и стало не до разглядываний. К счастью, Белый не знал, что ныне хилый литератор когда-то мечтал вовсе не о неподъемном бремени писательского пера, а

о тяжелой ноше профессионального штангиста. Поэтому он вовремя и ловко присел. И хотя ковбой все равно укатал бы мечтателя как Мухаммед Али бабку Фросю, тому просто повезло – зазвонил телефон. Негодяй, прибывший из невообразимо глухих мест, звонка почему-то изрядно испугался... Наверное, дело в том, что мобильник разразился модной тяжелой мелодией с загадочным названием: Rage against the Machine: «Wake up», неприятной благородному уху ковбоя. (Кстати, Джон Дабл-ю Смит здесь в очередной раз поморщился: наверное, он уже давно перестал понимать, о чем вообще говорит парень).

Как бы то ни было, Иннокентий, воспользовавшись секундным замешательством соперника, сделал самый бредовый поступок, который только можно представить – мужественно зажмурил глаза, бросился вперед, прямо... в шкаф.

Просторны бывают старые стенные шкафы, но этот, как выяснилось, таил в себе целый дивный мир.

Вместо того чтобы удариться о заднюю стенку, молодой человек почувствовал, что летит, чему весьма удивился. Точнее, живущий на тринадцатом этаже парень от страха чуть не откинул копыта вместе с намертво приклеившимися к ним домашними тапочками. Но порхал он на удивление недолго. Даже обрадовался, почти в ту же секунду знатно приложившись о какую-то твердую поверхность. Оглянувшись, напуганный парень увидел нечто вроде висящего в воздухе телеэкрана, на котором шла безумная передача:

показывалась комната Иннокентия с точки зрения старого шкафа. Был там и неуместный гость: ковбой в белом запнулся о декоративный меч, и упал на колени, глядя прямо Кеше в глаза. Вдруг что-то дернулось, и экран погас – с шипением растворился в воздухе, как мясо в кока-коле.

Иннокентий покрутил головой. «Эт-то не Рио-де Жанейро. Это абсурдный сон», – подумал бедняга.

Вы, конечно, думаете, что он оказался на Диком Западе, да еще непременно в какой-нибудь пикантной ситуации: в разгаре бандитской перестрелки, в опочивальне какой-нибудь красотки, ну или просто в логове зубастого упыря? Как бы не так! Он лежал на огромной площади, выложенной неизвестным материалом, вокруг ходили люди в странной футуристической одежде, где-то вдалеке плавали по небу машины, а из небольшого озера неподалеку на иновременника подозрительно косился глаз какого-то исполинского чудовища раза в три больше синего кита...

«Вот почему этот Иннокентий, оказавшись в салуне, не был по настоящему шокирован» – подумал Джон, в очередной раз приложившись к гостеприимной кружке. Нет, конечно, он был потрясен, не знал, как себя вести, трясся от страха из-за того, что его хотят казнить, но... Этот парень воспринимал происходящее вокруг как данность, пусть и неприятную. Не пытался проснуться, зашипав себя до смерти, не пробовал пробить головой стену злосчастного салуна (хотя, честно говоря, как раз этим порой занимались и коренные

жители). Не твердил без конца, что все вокруг иллюзорно. У человека, попавшего вдруг в другой мир, происходящее вообще не должно укладываться в голове. Нет, может, конечно, Иннокентию и казалось все происходящее сном, но уж очень долгим, из которого нелегко выбраться. Так что парню оставалось лишь смиренно принимать правила игры.

И теперь стало ясно почему. Если верить этому рассказу, привычный Джону Дикий Запад – не первая реальность, куда занесло пришельца. Сначала он оказался в футуристическом мире с резво скакнувшим вперед научным прогрессом. И, кстати, с великолепной системой безопасности и надзора. Едва парень ступил на какую-то цветочную клумбу неподалеку, как через пару секунд материализовались, как выразился Иннокентий, вооруженные полицейские роботы, которые транспортировали его в местный научный центр. Вот там, когда обладатель самого загадочного шкафа понял, что он не спит, а действительно вляпался во что-то невероятное, он начал истерить. По-настоящему в себя пришел лишь через несколько дней. Первой осознанной мыслью было сжечь этот чертов шкаф, если только получится как-нибудь вернуться домой.

К счастью, ученые в том высокоразвитом обществе обходились с ним просто прекрасно. Успокоили. Рассказали о своей планете. Расспросили о жизни Иннокентия. Объяснили, что давно уже знают о существовании других миров и как раз пытаются открыть способы путешествия между ними, а

также изобретают машину времени. Сказали, что надо лишь подождать еще пару недель, и они смогут торжественно отправить Иннокентия в его отсталый мир Электронного Века, где антиматерия пропадает зря, Макдональдс не покорил Марс и не открыл Сникерс, а повседневная жизнь так незамысловата, что даже междумирный путешественник Элвис со скуки улетел оттуда раньше времени. И отправили ведь! Вот только что-то пошло, видимо, не так... Иннокентий не смог внятно объяснить механизм переноса, сказал лишь, что вместо дома очутился прямо на пороге салуна «У Бил». Вот такие пирожки с котятами...

Не будем утверждать наверняка, что Джон понял из рассказа собеседника все, и что он всему поверил. Однако он и не стал кричать, мол: «Сжечь его на костре!» (в отличие от некоторых!), не достал кольт, даже не попытался наградить пришельца за рассказ оплеухой: просто чтобы удостовериться, что тот не придуривается. Напротив, задумчиво помолчав, ковбой, испытующе глядя на Кешу, начал ответный рассказ:

– Окей. Представим на секундочку, что я верю в весь этот бред. В людях я немножко разбираюсь. Вижу, что ты не врешь, поэтому в крайнем случае ты просто неместный сумасшедший. Судя по тому, как ты себя ведешь, о мире ты действительно ничегошеньки не знаешь, так что слушай сюда. Мироздание похоже на мои носки в горошек...

– Это такая метафора про цветные пятна на серых буд-

нях? – недоуменно буркнул Иннокентий.

– Нет, это про то, что иногда попадаешь в дырку. И ты, парень, сейчас в дикой дыре.

Пороху ты уже нюхнул, бормотухи отведал, так что вкус и запах местной жизни тебе примерно ясен.

Мы находимся в салуне местечка под названием Далсвилль – одного из пары сотен городишек, разбросанных по нашим прериям да пустыням. Есть поселения и побольше, есть и поменьше, есть даже отдельные фермы, индейские поселения, бандитские хутора... Но вонь везде одна и та же, родимая.

Теоретически мир не заканчивается нашим континентом, хотя... может, и заканчивается, черт его знает. Здесь это мало кого волнует. Называется материк Диким Западом, так что, возможно, есть где-то Смиренный Восток, но проверить всем лень. Впрочем, пришел же откуда-то Джеки Чай? Хотя я всегда подозревал, что он когда-то просто словил доской по мордасам, вот и начал косить... Ладно, не суть.

Вершиной нашей техники является паровоз, жемчужиной – пулемет.

Дальше. Насколько я тебя понял, у вас люди – единственный разумный вид, но здесь это не так. Хотя, надо признать, они наиболее многочисленны. Но еще есть вампиры, оборотни, упыри, задохлики, спиногрызы и зайцы, а также многие, многие другие. Их всех порой называют нечистью, но пусть это слово тебя не смущает: они не более грязные, чем все человечешки. Порой встречаются фанатики, которые утвер-

ждают, что все они монстры, порождения дьявола, но ты не верь: все это справедливо, опять же, не в большей степени, чем про чистокровных людей. Что еще? Ах да, я уже упомянул, многие верят, что есть Бог и дьявол, они вроде как за всем тут присматривают, но их самих что-то никто не видел, так что считай, что мы сами по себе.

Теперь о главном. Меня зовут Джон Дабл-ю Смит. Я зарабатываю охотой на разных неприличных дяденек и тетенок, за которых назначена приличная награда.

Я спас твою жизнь. Но не по доброте душевной. Веришь ты или нет, у нас с тобой общие интересы. Ты вообще меня слушаешь?

Иннокентий молчал. Он сосредоточенно размышлял: схватиться за волосы, завывать или просто в безнадеге прижаться лбом к грязной столешнице. Ну как можно выбраться из этого кошмара?!

Джон на удивление точно угадал мысли слушателя. Не меняясь в лице, он запустил пальцы в шевелюру инновременника, хорошенько встряхнул его и звонко (хотя нет, скорее глухо, со шлепком) приложил лбом об стол. Парень слегка взвыл. На удивление, все это не помогло: настроение у Иннокентия все еще было – ни ах, ни ох, уж лучше б сдох. Зато он снова был готов слушать ковбоя.

– Парень, мне тебя почти искренне жаль, но в случае, когда кто-то не вовремя распускает нюни, я распускаю руки. А если не помогает, я умываю руки, оставляя нытика одного,

а в одиночку тут выжить сложно. Но ты мне нужен. Кстати, может, и я смогу тебе помочь. Так что соберись.

Иннокентий, как раз собиравшийся бурно возмутиться, обратил пристальное внимание на сбитые кулаки ковбоя, явно сделавшие отбивную не из одного быка, и передумал. Что неудивительно. Потом парень окинул взором салун. Хмельной Джо, забравшись на стол, травил анекдоты, да так успешно, что даже тараканы падали от смеха пузом кверху, Мистер О'Рейли со старым пастором резались в карты, задумчиво рассуждая о загробной жизни (споры практика с теоретиком всегда затягивают), а Марлон, потягивавший любимый бренди, или, как он говорил на заморский манер, «брендó», тихонько вышивал в уголке скатерть с неприличным рисунком, лениво вытягивая шелковую нить из собственного рта. Путь к дверям был свободен. Если сорваться с места сейчас, алкоголь-ковбой, буквально прилипший к столу из-за недопитой бормотухи, его не догонит. А дальше что? Это хамло предлагает хоть иллюзорную надежду на... на что? Любопытно...

В общем, инновременник остался и внимательно посмотрел на Джона. Вот это уже удивительно. Голос Смита даже, как показалось на мгновение, чуть потеплел. Впрочем, скорее всего, это в баре надышали. Как в бане – алкогольными парами.

– Я очень хочу понять, зачем в мои руки попала записка, предписывающая спасти тебя от казни.

– Подожди... – помотал головой Кеша, – ты ведь слышал того мальчугана. Я не все понял, но он сказал, будто подделал какую-то записку, чтобы ты спас его деда – того старого индейца. Не меня.

– Ты смотришь не в ту сторону. Это вопрос «почему», а не «зачем», – несмотря на то, что Иннокентий не понимал ни слова из этой чертовой околесицы, Джон продолжил. – «Почему», впрочем, тоже хороший вопрос. Помнишь, ты сказал Билл, что у нее на вывеске «очепятка». Почему ты не сказал «опечатка»?

– Да не знаю я, – раздраженно отозвался осмелевший от праведного недоумения паренек. – У нас так иногда говорят. Случайно вырвалось.

– Случайность – это непознанная закономерность. Иннокентий ответил скептически поднятой бровью, которая, как бы вконец оборзев, вопрошала: «Ну и чё?». У Джона Дабл-ю Смита почему-то зачесались кулаки, ноги и даже колыт. Потом возникло стойкое желание то ли отвесить парню подзатыльник, то ли вклеить пощечину, то ли дать щелчок по лбу, то ли садануть по уху. Пока ковбой раздумывал, поглядывая на разные части головы собеседника, Иннокентий дернулся, как от затрешины, и закашлялся, сделав, наконец, действительно хороший глоток местного пойла.

Момент прошел. «Ну вот, его опять спасла «случайность», – подумал Джон и участливо спросил:

– Что, комочек шерсти? В стакане попался? Не пережи-

вай, это в порядке вещей, наверно, какая-нибудь кошатина не до конца растворилась.

– Что? – с перепугу распахнул глаза и выпучил рот Иннокентий. – Из чего это варят?!

– Ты уверен, что хочешь это знать? Вообще-то Билл не любит выдавать свои кулинарные секреты, а когда она начинает кого-то активно не любить...

Кеша благоразумно покачал головой и закрыл рот. Глаза, впрочем, оставил открытыми. Молодец, умный мальчик. Джон устало вздохнул и потянулся за пазуху.

– Вот. Посмотри на печать на этой записке. Скажи, на шляпе твоего другана в белом был такой же символ?

Парень удивленно уставился на клочок бумаги и медленно кивнул. След ступни. Глаз. То есть око. «Очепятка», – дошло, наконец, до бедолаги. Ковбой продолжил:

– Ну и как ты думаешь, насколько случайно тебя занесло именно в тот мир, откуда пришел твой неудачливый «похититель»? Причем именно на ту плаху, от которой спас тебя я, как раз разыскивающий обладателей этого знака?

Иннокентий молчал. Как же соблазнительно было счесть все происходящее затяжной иллюзией, бредом. Вот только странно, что иллюзиям вокруг не было никакого дела до Иннокентия: салун шумел своей жизнью, люди и нелюди пили, дрались, веселились, никто не пытался приставал к парню и не пытался на него напасть – никому вообще не было до него дела. Если пришелец исчезнет или умрет – никто и не поче-

шется (кроме, разве что, человека-пьяницы, который просто любит выпить с собственными блохами по любому поводу). Кеша был предоставлен сам себе, и лишь этот безумный и непонятный ковбой, казалось, был в нем хоть как-то заинтересован, а главное, мог научить азам местной жизни. Или хотя бы недолгого выживания. Джон Дабл-ю Смит изучающе вглядывался в собеседника. Сделав небольшой глоток, и на этот раз почти не сморщившись, Иннокентий, наконец, насколько смог ровным голосом выдавил:

– Ну так что это за знак?

– Очепятка, – выдержав небольшую паузу, кивнул ковбой. – «Ошибка». Дыра в границе между мирами. Метка охотников на мороков. Проще говоря – на нелюдей. Знак тех, кто навсегда закрывает им дорогу в наш мир. Своего рода фанатики. Очень скрытная организация.

– Охотники на нелюдей?

– Да. Если я охочусь на любого, кто натворил нехороших дел и за кого готовы заплатить, то они – только на «монстров». Речь об остальных разумных, да и не очень умных существах – я о них говорил. Еще их называют мечтами или страхами – кажется, в каком-то древнем языке было одно слово с такими двумя значениями. Конечно, речь не о всех вообще нелюдях – тут никаких охотников не наберешься – а лишь о тех, кто по какой-то причине попал в их список их целей. Так вот, эти охотники как раз повернуты на теме судьбы. И, так сложилось, мне очень нужно кое-что у них узнать.

И раз уж один из них приперся за тобой в другой мир, ты им очень нужен, а я смогу использовать тебя как живца.

– Какая радужная перспектива, – криво ухмыльнулся Иннокентий.

– Тебе было бы больше по душе, если б я тебя не спас и использовал как мертвеца? – равнодушно пожал плечами ковбой. – Боюсь тебя разочаровать, но ставлю свою шляпу на то, что ты превратился бы после смерти в одушевленного призрака, и они бы тебя все равно достали. Не знаю, почему ты так важен. Может, им насолил кто-то из твоих предков. Может, ты чья-нибудь невезучая реинкарнация. А может, дело не в прошлом, а в том, что ты сделаешь в будущем. В любом случае, не повезло тебе. Но брось унывать! Я не собираюсь просто ждать. Хочу сам сделать первый шаг. Думай о том, что когда мы их найдем, заставим отправить тебя домой: мне ты, честно говоря, нужен, как Шальной Бэтти бальные тапочки. Ну что? Ты со мной?

– Будто у меня есть выбор, – угрюмо покачал головой инновременник. – Впрочем, в чем-то ты прав, может быть, это мой единственный шанс. Так что будет теперь?

– Ну, для начала... – в голосе Джона явственно слышался охотничий азарт, – мы нанесем визит тому, у кого Демонтин украл эту записку. Мистер Спекул, ты еще не знаешь, но в твоём магазине намечается вечеринка!

Несмотря на все свое уныние, Иннокентий вдруг понял, что слова ковбоя задели и доселе неизвестные струнки его

души. Струнки, которые выводили сейчас какую-то бравурную внутреннюю музыку. Ритм этой музыки задавало одно повторяющееся слово: «приключение».

* * *

– Это точно магазин?

Покосившееся здание приветливо пялилось на компаньонов пустыми глазницами окон. Старое, как Ветхий Завет, крыльцо, дырявая, как голова дурака, поехавшая крыша. Время разошлось тут не на шутку. Ну, и пьяные строители в свое время постарались.

Жители Далсвиля не очень-то жаловали книжных червей, и потому частенько давили их лопатами и скармливали акулам бандитского бизнеса. В общем, не в моде были грамотеи. Поэтому на дверях любых магазинов вместо вывесок красовались стильные таблички с соответствующими рисунками: пузатая бутылка, сверкающая наковальня, темный флакон с кровью, миленькая дыба... На этих же створках десятилетиями выцветало изображение вороха бумаг в твердом переплете.

Джон Дабл-ю Смит усмехнулся парадоксальности вывески.

– Книжная лавка почтенного мистера Спекула. Идеальное прикрытие для любых делишек. Читать – до смерти скучно, так что сюда ни в жизнь никто не заглянет, а грабить бес-

смысленно, – Ковбой слез с коровы и подошел к крыльцу. – А впрочем, кто-то так не считает. Гляди.

Замок был начисто сорван. Это было заметно хотя бы по чистому пятну на грязнящей и пыльной двери. Иннокентий почувствовал себя неуютно:

– Ерунда какая-то. Зачем мы здесь? Никто здесь не жил уже лет десять. Эй, ты куда?

Джон Смит его не слушал. Вообще-то даже не слышал – он был уже внутри. Так что инновременнику ничего не оставалось, кроме как собраться с духом, посмотреть на Шальную Бэтти, не дожидаясь от нее ни словечка утешения и, мысленно (но с выражением!) чертыхаясь, войти в дверь. Хорошо тренированная корова, как опытный командос, прикрыла дверь крупом и выставила рога, зорко посматривая по сторонам, готовая прикрыть тыл.

Внутри не было видно ни грязи, ни разрухи. Впрочем, там вообще царил кромешная тьма, так что не видно было и своего носа. Хотя его и так сложно увидеть...

От размышлений Иннокентия отвлек какой-то хруст под ногой. В тот же момент комната осветилась, и хозяин лавки показался во всей красе. Мистер Спекул, на взгляд жителя двадцать первого века, сочетал в себе бороду Дамблдора, глаза Джека Николсона и суетность движений пьяного Джеки Чана. Ах да, еще сережку какой-нибудь актрисы, которую Иннокентий не знал. Видок тот еще, в общем. Страшнее старого Депардье. Спекул, приветливо распахнув руки, затара-

торил:

– Покупатель! Наконец-то! Шо ви хотите приобрести?

«Как вырастить мандрагору в домашних условиях» от известного в наших краях пивовара, чье имя никто никогда не может запомнить? А может быть, «Как излечиться от ликантропии, или как научиться получать от нее удовольствие» – пособие говорящего волка Вульфа? А вот новинка – «Как поставить себя в банде» от одного известного в наших краях, но пожелавшего остаться неназванным атамана. Писать, правда, он не умел, но к каждой страничке приложил по кусочку, откушенному от очередного соперника...

– Простите, меня это не интересует... – смущенно пробормотал сбитый с толку Иннокентий, обшаривая глазами комнату в поисках Джона Смита. Тот отыскался за спиной хозяина: ковбой внимательно осматривал пол, а продавец, кажется, не обращал на него ни малейшего внимания.

– Ах, молодой человек, я вижу, вас смущает моя речь. Простите, у меня насморк, может быть, я сейчас не самый приятный собеседник, хотя когда вы так думаете, мне это как серпом по всем нужным и нежным местам. Вы просто торопитесь. Поверьте старому мистеру Спекулу – вы просто еще не знаете, что вам нужно. Но это знаю я! Так что просто скажите: «Да, дорогой дядюшка Спекул, помогите мне». И я так-таки вам помогу! Вот – каталог огнестрельного оружия завода братьев Дробовиков. Перед вами не устоит ни один бандит, ни одно чудовище, ни одна девушка!

– Да я обычно не палю по девушкам из дробовика... – все отнекивался парень, чувствуя, что водопад слов плющит его почти физически.

– А что тогда? Ножи? Вилы? Приворотное зелье? Медленнный яд? У меня как раз есть томик индийской любовной лирики! Я же понимаю, каждая требует особого подхода...

– Эй, паренек! – окликнул Иннокентия ковбой. Хозяин даже ухом не повел. Впрочем, вру, окучивая долгожданного клиента, он трясся всем телом и разве что не подпрыгивал от азарта, но, тем не менее, на Джона Смита не обращал ни малейшего внимания. Тот продолжил: – Не стой столбом на позорной площади! Плохая примета. Это не настоящий Спекул. Иллюзия для общения с покупателями. Смотри!

Джон не глядя взял ближайшую книжку (кстати, «Учение о полете» мистера Икара) и совершенно по-варварски запустил ей прямо в голову почтенного книгочея. Иннокентий зажмурился – и не зря! Тяжеленный фолиант пролетел сквозь невесомую улыбающуюся картинку и, по всем законам гравитации, на Диком Западе еще не открытым, а может, уже забытым и закрытым, с силой влетел в лоб иновременника. Тот пошатнулся. Ковбой пожал было плечами, как бы извиняясь и притворяясь, что ему стыдно, но потом плюнул и просто хлопнул себя лбу: Господи, и с этим немощным надо будет искать орден охотников? Иннокентий – самое страшное оружие. Любой враг гарантированно умрет – от смеха.

Мистер Спекул как ни в чем не бывало продолжал что-

то говорить о предложении, спросе, ребятишках, которым хочется кушать, и о чудеснейшем, пусть и нерешительном клиенте, который может их прокормить, если купит, купит, купит...

Иннокентий его уже не слушал. Помотав головой и чуть придя в себя после увиденного, он угрюмо посмотрел на ковбоя:

– И часто у вас встречаются такие... иллюзии?

– Боюсь перевернуть точные числа, но примерно... никогда. Иновременник почувствовал, что манера Джона Даблю Смита говорить заставляет желчь в организме бурлить и течь вместо крови. Тем не менее, он взял себя в руки (раз уж взять в них накачанную шею ковбоя все равно не получилось бы) и продолжил расспрашивать:

– И как ты догадался?

Джон Смит выпрямился и внимательно посмотрел на собеседника. Затем устало вздохнул и заговорил уже серьезно:

– Доживет ковбой до следующего рассвета или нет, зависит не только от того, как быстро и метко он стреляет. В нашем деле нужно уметь подмечать мельчайшие детали окружающего мира. Надо видеть, как падает свет, как он отражается на разных поверхностях. Нужно уметь анализировать речь собеседника, ловить его на подсознательно используемых шаблонных структурах, выявлять противоречия. Мир вокруг нас – это сложная система из запахов, цветов, форм, звуков, материалов... Информация, получаемая через все

органы чувств, должна анализироваться мгновенно...

Иннокентий потрясенно молчал. Вот это да... Когда он снова поднял глаза на Джона Дабл-ю Смита, во взгляде инновременника можно было прочесть даже нечто вроде... восхищения.

– Ну а еще... – продолжил ковбой, – у него нож из спины торчит. Да и на груди под рубашкой что-то странное. Ну а с «ножевой болезнью» так бойко говорить гораздо сложнее, чем с насморком...

Чертов шутник! Иннокентий обиженно надулся. Джон Дабл-ю Смит со словами «где-то здесь наверняка должен быть выключатель» нагнулся к ногам мистера Спекула. Через секунду тот исчез. Только сейчас Иннокентий осознал, что последние слова призрачного торговца были: «...Ну а если вас интересуют волшебные путешествия во времени и пространстве, мой недалекий посетитель, я специально для вас открою сейф, где лежит мое главное сокровище...».

– Ты это слышал?! – взволнованно крикнул инновременник.

– Что? – недоумевающе пожал плечами Джон. Потом устоялся на что-то под ногами Иннокентия. – Ну-ка отойди. Отойди, я говорю.

Ковбой отпихнул парня, почему-то возмущенно хватающего жабрами воздух, и поднял гнутые очки с разбитыми стеклами.

– А вот это уже от настоящего Спекула... Ну что, горе-сы-

щик, расплющил главную улику и разбил последнюю надежду на поимку преступника? – проворчал Смит, глядя на свет сквозь треснувшую линзу. – Любопытно...

– Что, из очков тоже что-нибудь торчит? – скорее даже раздраженным, нежели ехидным голосом поинтересовался Иннокентий.

Джон, не обращая на него внимания, пробормотал:

– Судя по тому, как падает свет, диоптрии... да, где-то 4.25-4.26. Хм, это при таком-то постоянном освещении. Ну-ка, – ковбой поднес линзу поближе к светильнику и направил солнечный зайчик вверх. Поводил им. – Ну конечно, пыль, которую видно в луче света, не падает с потолка и не поднимается к нему, а проходит сквозь. Все вокруг – тоже иллюзия.

Джон одним прыжком оказался на столе. Вытянул руку вверх. Волосы Иннокентия, которые он так и не удосужился состричь напрочь, снова дали о себе знать и отчаянно зашевелились: рука ковбоя утонула в дереве, словно в пруду, почему-то расположившемся над головами. Вдруг Джон резко дернул за что-то. Пространство вокруг преобразилось. Парни находились в хорошо освещенном настенными лампами (и на чем только горят?) чистеньком домике.

Книги остались на своих местах, вот только обложки их как-то неувовимо изменились. Иллюзия мистера Спекула снова появилась, чтобы в следующий миг с тихим хлопком исчезнуть навсегда. Зато в полу наметился крепкий метал-

лический люк. Ковбой удовлетворенно хмыкнул:

– Глядите-ка. Стены изнутри усилены листами кованой стали, а уж дверь-то... Словами не передать, как дороги были мистеру Спекулу эти «книги»... Держу пари, что и снаружи этот домик сейчас больше напоминает бронированный орешек, какой ни одна саблезубая белка не разгрызет. Мы, впрочем, и не белки... Ну, по крайней мере, я. И да, прости, я совсем отвлекся, ты там что-то говорил?

Воспитаннейший Иннокентий угрюмо сплюнул на пол. К его удивлению, полегчало. Что поделаешь, Дикий Запад – приходится перенимать привычки местных. А то загрызут. В прямом смысле. Или повесят. Или сожгут. Или...

* * *

– Это что, какая-то шутка?

Иннокентий недоумевающе смотрел под ноги. Ему почему-то вспомнилась видеоохотка, когда герои открывают какую-нибудь дверь, а за ней оказывается кирпичная стена. Так вот, под люком расположился ровный металлический пол.

Ковбой хмыкнул и подтолкнул иновременника вперед. Когда оба встали на серый квадрат, Джон Дабл-ю Смит дернул за не приметный шнурок, приютившийся под ближайшим столом. Иннокентий почувствовал, что дом затрясся. Парню показалось, что он начал рывками проваливаться куда-то вниз.

– Что это?!

Ковбой ответил на испуганный выкрик ехидным взглядом и насмешливым похлопыванием по плечу, после чего едким тоном пояснил:

– Дерёвня! Это называется лифт. Дергаешь за веревочку, и привязанный к другому концу молоточек бьет по маковке специально обученного гремлины, живущего в соседней комнате, а тот крутит колесо, заставляя часть пола опускаться... Только вот едет эта штука очень, очень медленно...

Иннокентий попытался представить себе эту картинку. Интересно, как тут выглядят гремлины. Маленькие и зеленые? Нет, почему-то представлялись здоровенные злыдни с бутылкой самогона в руке, одетые лишь в татуировки. Парень потряс головой.

– Брр... Да, лифт. У нас тоже такие есть. Просто педали крутят обычно не гремлины. Ну, наверно...

– Пф. До чего же у вас отсталый мир. Конечно, и у нас раньше для этого использовались орки, они же урки, но они работали слишком агрессивно, кабинки часто ломались. К тому же гремлины почти не соображают, но на человечков смахивают, так что все почти гуманно... Погодика, – ковбой подозрительно уставился на иновременника, продолжая прикалываться. – Какие орки, о чем я? У вас же водятся только люди, да? Ну, значит, вы и варвары... Все, считай, что ты здесь просто расплачиваешься за грехи обитателей вашего мира...

Иннокентий открыл было рот, но посмотрел на наивного собеседника и плюнул рукой. В смысле, взмахнул рукой, а плюнул на пол. Хотя вру, на пол тоже плевать не стал – тесно, можно попасть в ковбоя, а это не к добру... – к госпитализации это.

Да и рукой, кстати, тоже зря махнул: с размаху треснулся обо что-то круглое и твердое в заплечном мешке ковбоя – грязном и потертном, какой только на голову жертвам в триллерах накидывают. Или в которых эти головы потом носят... Отгоняя неуместные (хотелось бы верить) ассоциации, инновременник помотал головой и поморщился.

– Ты там что, камень тащишь? Вы тут, на Диком Западе, пропустили наступление бронзового века, охотнички?...

– В сумке не камень, а металл, – невозмутимо ответил Джон Смит. – И он нам, я подозреваю, еще пригодится...

– Если мы найдем уютный глубокий пруд, на дне которого захочется провести остаток дней? Или тогда уж дня...

Нет? Знаешь, у тебя на поясе висит еще одна железка – пистолет называется. Так зачем тебе пригодится цельный кусок металла? И когда? Сейчас, в подвале?

– А вот это вряд ли. Вряд ли кто-либо там внизу – да хоть и настоящий мистер Спекул – заинтересуется этим. Но рано или поздно пригодится. Знаешь, если наше путешествие смеху ради представить каким-нибудь дешевым романом, я бы сказал, страниц через сорок-сорок пять...

Ну ничего себе мера времени. Подстраивайся теперь под

нее... Иннокентий раздраженно закрипел зубами. Парни, кстати, спускались медленно, со скрипом, но уверенно. Давно уже были под землей, в полной темноте. Иновременник почувствовал, что нужно срочно что-нибудь сказать, чтобы справиться с начинающейся клаустрофобией:

– Ну что ж. У грмлинов есть свое преимущество. У вас лифты хоть не застревают.

– Еще как застревают. Сам посуди. Тут-то веревочки нет. Что мы отсюда сможем сделать, если он начнет отлынивать от работы? Поверь мне, во всех мирах все одинаково: когда лифт застревает, это просто значит, что злокозненные лифтовые грмлины решили над тобой посмеяться, перестали крутить педали и улеглись в своей комнатухе распивать толченый зеленый змий да изредка поглядывать на тебя в секретное окошко слежения, почесывая татуировки.

Иннокентий почувствовал, как кружится голова. Однако через секунду она готова была просто взорваться, ведь лифт прибыл на место назначения. Парень сел на пол от изумления и страха. Они находились на верхушке высоченной башни. Далеко внизу расстилался красочный ландшафт. Вокруг плавали облака, в которых купались сошедшие с обложек фэнтезийных книжек драконы. Лифт спускался, кажется, прямо из космоса.

Иновременник зажмурил глаза и несколько раз сильно ущипнул себя. Глаза открылись сами собой от крепкого подзатыльника. Ковбой потряс рукой и участливо спросил:

– Я смог помочь тебе в удовлетворении мазохистских наклонностей? Надеюсь, тебе было приятно.

Парень не ответил ничего. Он уставился в сторону. Дикая вид не исчез – все было реально. Более того, в метре от Иннокентия обнаружился глаз огромной крылатой ящерицы, обхватившей башню. В отражении под веком иновременник углядел себя. Вот только что-то было не так. Голова слишком крупная, кожа зеленая, хвост торчит. Глаз моргнул. Парень снова зажмурился и потерял сознание. Причем так стремительно, словно не потерял, а выкинул сознание нарочно, как уже ненужную вещь.

* * *

– Вставай, парень, что ты разлегся, как наложница перед падишахом? Томный взгляд тебе не удастся, так что даже не надейся, не возьму тебя в гарем. И вообще, у меня другие вкусы. Не такие... как же там слово... плоские, современные, угловатые... о! Не такие абстракционистские... Короче, предпочитаю женщин.

– Б-башня... Дракон...

– Избавь меня от своих сексуальных фантазий, принцесска, ну не стану я тебя спасать. Нашел рыцаря... Вставай!

Иннокентий с трудом заставил себя оглядеться. Они с ковбоем все еще явно сокрыты под землей. Небольшая почти пустая комнатуха. Стены обиты какой-то тканью. Па-

рень облегченно выдохнул:

– Ну и ну. У меня сейчас было дикое видение... Ино-временник вдруг расхохотался и опустился на дощатый пол. Две непривычного вида лампы на потолке проливали свет на небольшой сундук у стены и зеркало в человеческий рост напротив – вот и вся обстановочка. Джон сжалился и пролил свет на произошедшее:

– Башня, дракон, я понял. Тоже видел. Очередная иллюзия. Трехмерное изображение на стенах. Защита от неожиданных гостей. Видишь ли, нормального жителя Дикого Запада очень сложно чем-то напугать. Кровь, клыки, клешни, огонь, взрывы... Люди давно привыкли к самым ужасным опасностям. При встрече с чем-то подобным грабитель лишь увереннее схватился бы за кольт, топор или чью-нибудь трофейную ногу. Но вот вдруг ощутить себя в чужой шкуре, оказаться в невероятной и непривычной ситуации... – вот тут нервы не выдерживают. Поверь, ты оклемался гораздо быстрее, чем среднестатистический бродяга. Seriously, знал я одного разбойника, угодившего в такую безобидную ловушку. Храбрый был парень, оборотень, сорви-голова – башни коллекционировал.

– В смысле? – недоуменно улыбнулся Иннокентий.

– Говорю, отрывал маковки врагов и коллекционировал. Из некоторых делал котелки и варил в них суп. Хотя иные черепушки порой и разбивал на мелкие черепки – в запале. Так вот, этот оборотень тогда жутко испугался, и его скосила

редкая болезнь – когнитивный диссонанс. Он теперь, когда был волком, думал, что сейчас человек, и наоборот. Так до старости нагишом на овец и кидался, загрызть все хотел... Слышал, помер он недавно, оттого что в зеркало посмотрел повнимательней, да ничего не понял. А зеркала они такие... Все наизнанку выворачивают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.